

„СИБИРЬ“

ВЫХОДИТЬ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

За напечатаніе ОБЪЯВЛЕНІЙ платится изъ одинъ разъ: за строчку обыкновеннаго шрифта 15 к., мелкаго 20 к., заглавные и крупныя шрифты по занимаемому ими мѣсту, разсчитывая на обыкновенный шрифтъ, за второй слѣдующіе разъ въ половину дешевле. За разсылку при галѣхъ отдѣльныхъ объявленій—по 1 р. за каждое 100 экземпляровъ. Объявленія принимаются въ конторѣ редакціи и въ типографіи Н. Н. Синицына не иначе, какъ засвидѣтельствованнымъ мѣстной полиціей. Печатаніе объявленій на первой страницѣ не принимается.

Контора редакціи помещается по Дворянской ул. въ д. Глушковой и открыта отъ 9 до 2 ч. по нед. и отъ 5 до 8 ч. вѣч., исключая дней пятницы и субботы. Для живущихъ дѣло собственно до редакціи она открыта въ тѣ же дни отъ 5 до 8 часовъ вечера.

ПОДПИСКА принимается съ 1-го числа каждого мѣсяца и исключительно до 1 января слѣдующаго года, въ конторѣ редакціи и въ типографіи Н. Н. Синицына, и погородныя адресуются непосредственно въ контору редакціи газеты „СИБИРЬ“, а также въ контору редакціи Восточнаго Обозрѣнія.

Цѣна изданія съ доставкой на домъ и пересылкой по почтѣ: за годъ 7 руб., за полгода 4 руб., за три мѣсяца 2 р., за 1 мѣсяць 60 коп. и отдѣльные номера по 20 к.

Присылающихъ для помѣщенія въ газету свои статьи и корреспонденціи редакція проситъ сообщать подробный адресъ автора, безъ чего статьи не могутъ быть напечатаны, авторы же желающіе возвращенія своихъ статей благоволятъ высылать въсовныя деньги или почтовыя марки.

ОГЛАВЛЕНИЕ: Телеграммы.—Вабій стонъ въ Сибири.—Сибирская хроника.—Корреспонденціи: изъ Устькута,—Верхотурскаго округа и Верхотурска.—Франсизъ Гарнье въ Китаѣ.—Гиллякія сказки.—Бродяги.—Библиографія.—Отвѣты редакціи.—Объявленія.

Подписка на газету „Сибирь“ и „Восточное Обозрѣніе“ на 1885 г. продолжается.

Въ музей Вост.-Сиб. Отдѣла Географич. Общества имѣются въ значительномъ количествѣ для продажи питательныя консервы, а именно: борщъ—85 коп., тушеное мясо—60 коп., жаренное мясо—1 р. 10 коп., рубленое—50 коп. и маседуанъ—40 коп. за банку.

ТЕЛЕГРАММЫ

Съвернаго телеграфнаго агентства.
20 Августа.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ. Въ воскресенье султанъ принималъ Друмонта-Вольфа въ продолжительной частной аудіенціи, причемъ присутствовалъ министръ иностранныхъ дѣлъ. По слухамъ, египетскій вопросъ при этомъ случаѣ былъ затронутъ только въ общихъ чертахъ.

21 Августа.

КИЕВЪ. Выѣстъ съ Ихъ Величествами уѣхали отсюда также военный министръ и министръ путей сообщенія. Вчера, во второмъ часу по полудни, Великій Князь Владиміръ Александровичъ съ супругой отбыли въ Нижній. Вчера-же выѣхалъ изъ Кіева управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Дурново.

22 Августа.

СИМЛА. Мѣры, стѣсняющія увольненіе офицеровъ индійской арміи въ отпускъ, отмѣнены.

СТОКГОЛЬМЪ. Англійскій наслѣднй принцъ прибылъ гостить къ королю шведскому.

23 Августа.

ПЕТЕРБУРГЪ. Сегодня, въ 11 час. утра, освященъ на Волковомъ кладбищѣ памятникъ на могилѣ Тургенева. Бюстъ покойнаго вылитъ изъ бронзы, поставленъ на черный мраморный пьедесталъ; на пьедесталѣ написано: „Тургеневъ“. На торжествѣ присутствовали: кружокъ петербургскихъ литераторовъ и артисты драматической труппы. Полетика сказалъ рѣчь; Далматовъ прочиталъ стихи.

ТОМСКЪ. Работы по прорытію Обь-Енисейскаго канала идутъ успѣшно; надеются окончить въ 1886 году. — Вчера прибылъ сюда лейтенантъ американскаго

флота Шютце, ѣдущій по порученію своего правительства въ Якутскъ и на Лену для раздачи подарковъ лицамъ, оказавшимъ помощь при розысканіи экипажа „Жаннетты“.

ПЕТЕРБУРГЪ. Вчера Ихъ Величества съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ прибыли въ Петергофъ; вчера-же ГОСУДАРЬ принималъ англійскаго посла Торнтонъ, который вручилъ Его Величеству свои отзывныя грамоты. Опубликованы, утвержденныя нынѣ министромъ народнаго просвѣщенія на основаніи Высочайше утвержденного 23 августа 1884 г. устава русскіихъ университетовъ—экзаменныя требованія и правила о зачетѣ полугодій.

Полуимперіалы — 8 руб. 27 коп.

24 Августа.

ЛОНДОНЪ. На банкетѣ въ Шеффилдѣ, министръ по дѣламъ Индіи, Черчилль, произнесъ рѣчь объ афганскомъ вопросѣ, причемъ замѣтилъ, что съ увѣренностію можетъ заявить о совершенномъ улаженіи разногласій о Зюльфагарскомъ проходѣ; не смотря на это, Черчилль находитъ, что все-таки необходимо дѣятельно заботиться объ укрѣпленіи индійской границы, увеличеніи и преобразованіи боевыхъ силъ Индіи.

ФРАНЦЕНСБАДЪ. Министра иностранныхъ дѣлъ Гирса посѣтили здѣсь Князь Александръ Болгарскій, вновь назначенный великобританскій посолъ въ Петербургъ Моріеръ, румынскій министръ Братіано и генераль-адъютантъ сербскаго короля Катарджи.

МАРСЕЛЬ. Холера начинаетъ утихать; въ четвергъ умерло отъ нея 120 человѣкъ.

МАДРИДЪ. Губернаторъ Филиппинскихъ острововъ сообщаетъ, что японскія военныя суда, прибывъ къ острову Яппѣ, готовятся занять его. Въ это время германская канонерка, прибывшая ранѣе, высадила на берегъ людей, которые, не смотря на протестъ испанцевъ, водрузили на Яппѣ германскій флагъ. Вчера, вечеромъ, по полученіи этого извѣстія въ Мадридѣ, возбужденная толпа народа сорвала съ германскаго посольства флагъ и гербъ, волочила ихъ по улицамъ и потомъ сожгла на площади. Нѣсколько человѣкъ арестовано; къ утру возбужденіе улеглось.

Въ провинціи Кадиксъ состоялась вчера демонстрація республиканцевъ, встрѣченная населеніемъ враждебно.

Вабій стонъ въ Сибири.

Въ одной изъ статей нашей газеты за нынѣшній годъ (№ 26) мы коснулись тяжелаго положенія женщины въ сибирскихъ селеніяхъ. Въ хроникѣ газеты приводилось также не мало случаевъ, гдѣ деревенскія женщины являлись мученицами, а мужья и свекрови—ихъ тиранами. Лѣтописи нашихъ судовъ, до нынѣшняго волостнаго суда включительно, также изобилуютъ «дѣлами», въ которыхъ жестоки «побои», «истязанія» и т. п. играютъ не маловажную роль. Но ни суды волостныя, ни окружныя, а тѣмъ менѣе разныя административныя лица не сильны помочь изнемогающей подъ тяжкимъ игомъ мужнинаго деспотизма женщинѣ: въ законахъ тщетно ищутъ они указаній, какъ разсудить имъ мужа съ женой. Женщина оказывается вполне безпомощною. Если даже, въ виду доказанныхъ тяжкихъ увѣчій, жестокаго мужа и приговорятъ къ наказанію, но наказаніе это не превышаетъ высылки въ тюрьмѣ. Вышедши изъ этой «доброй школы», мужъ не преминетъ, конечно, сугубо отплатить женѣ за ея жалобы... Только смерть того или другого изъ супруговъ кладетъ неизбѣжный конецъ истязаніямъ и мученичеству женщины; отсюда особые виды преступленій: отравленіе и зарубиваніе мужей и истязанія до смерти женъ...

Причинами жестокаго обращенія мужей съ женами, какъ видно изъ опыта, въ большинствѣ случаевъ, являются: прежде всего пьянство, дѣлающее человека звѣремъ. При малѣйшемъ со стороны жены укорѣ и противорѣчіи пьяному мужу, пропивающему послѣдній пудъ хлѣба, начинаются побои, мѣрой которыхъ бываетъ только усталость кулаковъ и окончательное охмѣленіе. Сцены такого рода продолжаются по цѣлымъ мѣсяцамъ, втеченіи всей брачной жизни. Не рѣдко также началомъ грубаго обращенія мужа съ женою бываетъ связь перваго съ постороннею женщиной. Мы ни разу не слышали, чтобы виновною оказалась жена,

мужья-же частенько. И опять малѣйшая укоризна, намекъ на не хорошее дѣло и на забвеніе дома, хозяйства и дѣтей, служатъ поводомъ къ „пьянству и истязаніямъ“.

Но едва-ли не чаще всего начало несогласій исходитъ отъ свекровей. Впрочемъ, это фактъ древній, засвидѣтельствованный исторіей и запечатлѣвшійся въ пословицахъ и поговоркахъ. Дѣло начинается съ непослушанія: старой хозяйкѣ все кажется, что неvěстка ея не слушается, грубиянитъ и все дѣлаетъ дурно и наперекоръ старухѣ. Горе, если старикъ-свекоръ пристанетъ за молодуху. Тогда начнется ревность,—и миръ семьи рушится навсегда. Мать-свекровка натравитъ на неvěстку сына, насканетъ ему разныхъ небылицъ на жену, бываетъ, что сама сведетъ его съ другою женщиной, чтобы только обозлить сына, отдалить его отъ неvěстки. Тогда-то начинаются безобразныя сцены травли несчастной молодой женщины. Хорошо еще, если у ней есть близко родные, но и тѣ опасаются держать ее у себя. Приходится радоваться, если мужъ нанесетъ женѣ тяжкія увѣчья, засвидѣтельствованныя врачомъ, и начнется дѣло...

Тогда несчастная женщина можетъ еще до рѣшенія дѣла жить у отца... Гдѣ же исходъ? А между тѣмъ, случаи подобнаго рода встрѣчаются чаще и чаще. Въ одной волости, въ настоящемъ году, мы знаемъ до пяти случаевъ, гдѣ женщины вынуждены были жаловаться на жестокость мужей, а сколько молча—вытираемыхъ слезъ, сколько увѣчий, вынесенныхъ въ тихомолку и выплаканныхъ въ подушку, сколько сокращенныхъ жизней, сколько горя, унесеннаго въ могилу.

Три случая особенно намъ памяты за этотъ годъ. Во всѣхъ трехъ дѣйствующихъ лица намъ близко знакомы, а третій—совершается чуть не на нашихъ глазахъ и теперь. Въ первомъ случаѣ степенная, солидная дѣвушка, лѣтъ 22 отдана была въ сосѣднюю деревню за парня, у котораго была мать-вдова и сестра. Съ перваго-же мѣсяца свекровь начала преслѣдовать неvěстку и, въ отсутствіе сына, бить ее; била и свою дочь. Около полу-года молодуха терпѣла; жалобы мужу имѣли только худшія послѣдствія, мужъ хотъ и не билъ жену, но противъ матери не смѣлъ слова сказать. Три раза молодуха убѣгала къ отцу и три раза возвращалась къ мужу. Послѣднее время она была какъ-бы полупомѣшана. Черезъ годъ послѣ свадьбы она умерла. Больную, чуть не наканунѣ смерти, свекровь привезла ее къ ея отцу и бросила во дворѣ. Мы видѣли рыданія этого мужика, у котораго и жена хронически больна и лежитъ въ постелѣ годы... А какъ и чѣмъ было помочь? Добрые люди научите! Во второмъ случаѣ свекровь приревновала молодуху къ своему старику. Она сочинила исторію о связи молодой съ свекровомъ, сосватала сыну гулящую дѣвицу и, въ отсутствіи свекра, начала вмѣстѣ съ сыномъ не-

вѣроятныя экзекуціи надъ неvěсткой; наконецъ, сынъ такъ „искотосалъ“ жену, что самъ, ничему не удивляющійся, эскулапъ, нашедшій тяжкія увѣчья, удивлялся долго-терпѣнію молодой женщины и звѣрству пріемовъ мужа-тирана. А женщина была на сношѣ. Началось дѣло, но вотъ уже годъ оно лежитъ у засѣдателя... Третій случай. На-дняхъ въ дождь и слякоть, приходитъ къ намъ за 6 верстъ, босая женщина, въ одной рубашкѣ и зипунишкѣ. Оказывается, мужъ, билетный солдатъ, вотъ уже восьмой годъ, съ самой женитбы, пьянствуетъ, бьетъ, „тиранитъ“ и выгоняетъ ее изъ дома чуть не ежедневно. При этомъ четверо дѣтей, отъ 6 мѣсяцевъ до 11 лѣтъ. Что дѣлать, куда дѣваться? Видно, бѣдной приходится ждать, когда супругъ хлобыснетъ когда-нибудь въ самую косицу. Но представьте положеніе чело-вѣка, къ которому подобная женщина, какъ къ умному, знающему законы, пришла совѣтоваться! И всѣ подобныя факты не исключенія, не уродства и диковины, а ежедневныя, повсюдныя явленія русской жизни... и нѣтъ имъ исхода, нѣтъ спасенія несчастнымъ русскимъ матерямъ! Видно, правда, что тѣ, отъ кого эти дѣла въ зависимости, находятъ особую пріятность въ подобномъ порядкѣ вещей.

СИБИРСКАЯ ХРОНИКА.

Какъ извѣстно нашимъ читателямъ, мы до сихъ поръ не вступали ни въ какія препирательства съ „Сибирскимъ Вѣстникомъ“, *raison d'être* котораго мы даже признали. Но въ № 13-мъ эта газета, извращая самымъ невозможнымъ образомъ полемическіе приемы уважаемаго органа сибирской прессы—„Сиб. Газ.“ и совсѣмъ уже безъ всякаго основанія лягнувши столь почтенный органъ гласности, какъ „Восточное Обозрѣніе“, прямо обращается къ намъ съ вопросомъ: „И Иркутская „Сибирь“ еще спрашиваетъ насъ—когда это сибирская печать вела полемику не на почвѣ общихъ принциповъ?“ Не говори уже о томъ, что въ до сихъ поръ вышедшихъ №№ „Сиб. В.“ мы могли-бы указать массу статей и замѣтокъ совершенно безпринципнаго обличительнаго направленія, мы вынуждены заявить, что полемика между „Сиб. Вѣст.“ и „Вост. Обозр.“, насколько мы понимаемъ, происходитъ въ силу весьма важнаго для сибиряковъ принципа: существовать-ли въ Сибири литературѣ „честной“, т. е. защищающей областныя интересы, или литературѣ, для которой дороже всего судьбы порочныхъ элементовъ, ссылаемыхъ въ Сибирь?

Засѣданіе вашей думы 16 августа ознаменовалось, между прочимъ, тѣмъ, что гласный Штернъ нашелъ превышеніе власти со стороны городской управы въ ея намѣреніи воспользоваться арестантскимъ трудомъ для проведенія одной изъ капитальнѣйшихъ канавъ, которая должна пройти по матрешинской улицѣ и осушить подгорную часть и не допустить воды до хлѣбнаго базара. Въ послѣдующемъ засѣданіи тотъ-же вопросъ былъ на разсмотрѣніи думы, но, повидимому,

тоже не встрѣтилъ сочувствія въ средѣ гласныхъ, хотя управа предлагала строить названную канаву на свой счетъ, съ тѣмъ, однако, условіемъ, что если впоследствии дума найдетъ ее цѣлесообразной, то должна уплатить произведенные расходы: пошли разгворы о томъ, что, пожалуй, придется дорого заплатить и т. п. Мы съ своей стороны рѣшительно не понимаемъ поведенія нашей думы въ столь важномъ вопросѣ: ужели наши гласные еще не убѣдились, что ихъ первѣйшая задача состоитъ въ томъ, чтобы улучшить санитарныя условія города, какихъ-бы жертвъ это не потребовало? Пора-бы также придти и къ тому убѣжденію, что безсмысленныя затраты на очистку города, выпѣ производимыя по необходимости, напр., во время наводненій, ложатся на городъ совсѣмъ непроизводительно, а въ общей сложности они составляютъ вѣдь весьма изрядную сумму.

Экстренное засѣданіе по трапезниковскому дѣлу 26 сего августа открылось подъ предсѣдательствомъ замѣстителя головы И. М. Киселева чтеніемъ записки гласнаго Покрышкина, который еще подробнѣе развилъ уже высказанныя имъ въ предыдущемъ засѣданіи соображенія, но и на этотъ разъ остался одинокимъ: гласные Осиковскій и Стрихарскій въ обстоятельныхъ рѣчахъ доказали ошибочность его инсинуаций, разумѣется, только, какъ это всегда бываетъ, не убѣдивши автора ихъ. Засѣданіе вообще было очень оживленное, и мы еще надѣемся къ нему вернуться; теперь-же сообщимъ только, что изъ представленныхъ особой комиссіей кандидатовъ*) на должность повѣреннаго отъ города наибольшее число голосовъ получили: Вагинъ, Колесницкій и Коссовскій (по 20 избирательныхъ); неизбирательные же голоса у названныхъ лицъ идутъ такъ: у перваго—12, у втораго—14 и у третьяго—13. Разность не избирательныхъ голосовъ объясняется, по нашему мнѣнію, просто тѣмъ, что нѣкоторые гласные удалились изъ залы по позднему времени.

На судъ общественный. Въ 1875 г. къ И. И. Базанову, И. А. Нѣмчинову и наслѣдникамъ М. А. Сибирякова въ иркутскомъ губернскомъ судѣ были предъявлены иски: П. М. Герасимовымъ, Н. О. Лаврентьевымъ и Н. З. Селивановымъ отъ имени иркутскаго городского общества; М. А. Коссовскимъ отъ имени А. Н. Портновой, и мною отъ имени В. П. Сукачева. Городское общество, считая себя наслѣдникомъ И. Н. Трапезникова по его завѣщанію, отыскивало изъ владѣнія упомянутыхъ лицъ, въ пользу благотворительныхъ учреждений, три пая въ ирискахъ компаніи промышленности съ доходами**), а Портнова и Сукачевъ, какъ наслѣдники И. Н. Трапезникова по закону, отыскивали въ свою пользу тѣже три пая, по полтора пая каждый. Иски были основаны на разныхъ письмахъ, хранившихся въ опекѣ надъ спорнымъ имѣніемъ умершаго И. Н. Трапезникова и на толкованіи компанейскаго договора прибрежно-витимскаго

*) Гласный Осиковскій отказался отъ баллотировки.

Прим. ред.
**) Считаю нужнымъ оговориться, что я навѣрно не знаю, въ чемъ заключалось исковое требованіе повѣренныхъ города.

товарищества. Но предъявление иска по одним этим данным я находил довольно рискованным, а других данных в виду не было. Поэтому, когда в 1875 г. городское общество и Портновы предъявили свои иски, и В. П. Сукачев обратился ко мне с просьбой—предъявить иск и от его имени, то я ответил советом не спешить с предъявлением иска*), а собрать сначала данных по-больше. Но г. Сукачев повторил свою просьбу, и я предъявил иск. Дѣлу, начавшемуся по искам города, Портновой и Сукачева, губернский суд дал надлежащее движение. Но, когда обѣих составительных бумаг по этому дѣлу было окончено, то губернский суд встретил затруднение, кому именно присудить вышеозначенные три пая, в случаѣ отчужденія ихъ изъ владѣнія Нѣмчинова, Базанова и наследниковъ Сибирикава, городу-ли, или Портновой и Сукачеву? Вслѣдствіе этого въ 1877 году состоялось постановленіе губернскаго суда, о приостановкѣ производства по вышеупомянутымъ искамъ впредь до окончанія спорнаго дѣла между городскимъ обществомъ съ одной стороны, Сукачевымъ и Портновой, съ другой—о духовномъ завѣщаніи И. Н. Трапезникова. Затѣмъ дѣло по искамъ города, Сукачева и Портновой къ Базанову, Нѣмчинову и наследникамъ Сибирикава, въ пожарѣ 1879 г., сгорѣло въ губернскомъ судѣ, о чемъ послѣдній и объявилъ истцамъ, предоставили имъ возобновить свои иски. Между тѣмъ, дѣло о завѣщаніи И. Н. Трапезникова окончилось въ 1882 г. мировой сдѣлкой, по которой половина открывшагося со смертію И. Трапезникова наследства досталась городскому обществу, а другая—А. Н. Портновой и В. П. Сукачеву, причемъ обусловлено, что раздѣлу на двѣ равныя части между городомъ и наследниками И. Н. Трапезникова подлежатъ тѣ права и претензіи, которыя Трапезниковъ вправѣ былъ предъявить къ другимъ лицамъ, или которыя возникли по его имуществу послѣ его смерти (4 п. мир. записи). При фактическомъ раздѣлѣ имущества покойнаго Трапезникова, бумаги, находившіяся въ вѣдѣніи опеки, раздѣлены, по соглашенію сторонъ, такъ: переписка съ И. Н. Трапезниковымъ и вообще всѣ бумаги, которыя вѣдены при его жизни, поступили къ гг. Сукачеву и Портновой, а бумаги, вѣденыя послѣ смерти И. Трапезникова, поступили къ городскому обществу. Послѣ этого, я занялся разборомъ бумагъ покойнаго И. Н. Трапезникова, выдѣляя изъ нихъ бумаги, относящіяся къ упомянутому выше иску. Но при этомъ, кромѣ писемъ, на которыхъ въ 1875 году основанъ былъ искъ, оказалось новыхъ данныхъ не много, да и оказавшіяся—не особенно важны. Поэтому пришлось искать и собирать еще новыя доказательства въ разныхъ мѣстахъ. Затѣмъ, когда матеріалъ по возможности былъ собранъ и сгруппированъ, я, въ 1884 г., вновь составилъ исковое прошеніе, уменьшивъ при этомъ исковое требованіе, согласно мировой записи, на половину. Между тѣмъ, одновременно съ собираніемъ данныхъ, для возобновленія иска съ изготавленіемъ исковаго прошенія и т. п., шли съ Нѣмчиновымъ, наследниками Сибирикава и Базанова переговоры о мирѣ, которые въ ноябрѣ 1884 года и завершились мировой

сдѣлкой. По этой сдѣлкѣ процессъ по означенной претензіи В. П. Сукачева прекращенъ навсегда, и, сверхъ того, г. Сукачевъ уступилъ Нѣмчинову, наследникамъ Базанова и наследникамъ Сибирикава свои участія въ прибрежно-вѣтиской К-о и К-о лѣнскаго пароходства, а взаменъ получилъ опредѣленную сумму денегъ и право на получение известной суммы съ каждаго пуда золота, добываемаго на приискахъ прибрежно-вѣтиской К-о и К-о промышленности. Попудную плату В. П. Сукачевъ, согласно мировой сдѣлкѣ, получаетъ ассигновками непосредственно изъ горнаго отдѣленія главнаго управленія в. Сибири. Въ то время, какъ я занимался разсмотрѣніемъ и собираніемъ данныхъ для возобновленія иска отъ имени В. П. Сукачева, городская дума въ 1883 г. избрала комиссію, для рѣшенія вопроса—имѣются-ли данныя для предъявленія иска къ вышеупомянутымъ лицамъ. Но эта комиссія въ 1884 г. прекратила свое существованіе, не рѣшивъ, кажется, даннаго вопроса. Поэтому дума въ настоящемъ году вновь избрала для означенной цѣли комиссію, поручивъ ей также, если она найдетъ достаточно данныхъ для предъявленія иска, указать и лицо, которому-бы можно было поручить веденіе дѣла. Но у городского управленія, сколько мнѣ известно, никакихъ серьезныхъ данныхъ нѣтъ, и комиссія оставалось или заявить думѣ о неимѣніи данныхъ для возобновленія иска, или обратиться къ В. П. Сукачеву съ просьбой—познакомить комиссію съ имѣющимися у него данными. Комиссія избрала послѣднее: сначала она обратилась къ г. Сукачеву съ просьбой, познакомить ее съ имѣющимися у него документами, а затѣмъ съ моимъ искомымъ прошеніемъ. На ту и другую просьбу В. П. Сукачевъ изъяснилъ согласіе, но подъ условіемъ, чтобы при разсмотрѣніи документовъ и при чтеніи исковаго прошенія присутствовалъ я, и если при томъ я соглашусь на ознакомленіе комиссіи съ содержаніемъ исковаго прошенія. Вслѣдствіе этого совершенно естественнаго условія 7 іюня я и присутствовалъ при предъявленіи комиссіи документовъ, и при чтеніи копій моего исковаго прошенія. По окончаніи чтенія, одинъ изъ членовъ комиссіи обратился къ г. Сукачеву съ просьбой—предоставить копію исковаго прошенія въ распоряженіе комиссіи, для лучшаго ознакомленія съ обстоятельствами дѣла. Но Сукачевъ отвѣтилъ, что удовлетвореніе этой просьбы зависитъ не отъ него, а отъ меня. Я-же заявилъ, что такъ какъ г. Сукачевъ, по должности городского головы, обязанъ охранять интересы городского общества, то я согласенъ на предоставленіе комиссіи, для означенной цѣли, копіи моего прошенія. Этимъ и ограничилось мое участіе въ засѣданіяхъ комиссіи. Услугъ своихъ, какъ адвокатъ, и ни городскому управленію, ни комиссіи никогда не предлагалъ, да и комиссія въ своемъ докладѣ ограничилась только указаніемъ лицъ, занимающихся въ Иркутскѣ адвокатурой, не отдавая никому изъ нихъ особаго преимущества. Полагаю, что изъ сказаннаго видно, насколько правъ гласный Покрышкинъ, утверждая въ засѣданіи думы 22 августа: 1) что я, какъ повѣренный В. П. Сукачева, адвокатъ противной городу стороны; 2) что будто я участвовалъ въ засѣданіяхъ комиссіи, и что участіе это было рассчитано на то, чтобы меня избрали повѣреннымъ города, и 3) что г. Сукачевъ заинтересованъ въ дѣлѣ съ

противной городу стороны, такъ какъ-де получаетъ съ этой стороны попудныя деньги. Н. Колесникій.

Впродолженіе 25 лѣтъ мы постоянно твердили радѣтелямъ городского хозяйства въ Иркутскѣ о пользѣ городскихъ садовъ и бульваровъ. Мы предлагали расширить улицы постройкой всѣхъ новыхъ домовъ съ уступами внутрь домовыхъ мѣстъ на 1—2 саж. Эти уступы могли служить полисадниками или пѣвѣтниками до того времени, когда можно было устроить бульвары. Съ такимъ-же предложеніемъ мы обращались къ думѣ и послѣ пожара 1879 г. Но насъ не хотѣли слушать. А вотъ теперь самъ Петербургъ пришелъ къ сознанію пользы бульваровъ и сожалеетъ, что уничтожены старинныя аллеи, дававшія столицѣ видъ громаднаго сада.

Намъ доставлена слѣдующая замѣтка: Подтверждаю справедливость извѣстія въ № 32 газеты „Сибирь“ о томъ, что пожаръ 21 іюля начался съ пристройки г. Гулиева, примыкавшей къ дому Иванова, потому что я изъ первыхъ замѣтилъ пламя, прорывавшееся изъ этой пристройки чрезъ щели забора на улицу и, выскочивъ изъ дому*), поднялъ тревогу. Чрезъ сколько минутъ явился на пожаръ пожарная команда, по часамъ не слѣдилъ, но долженъ сказать, что съ момента поднятой мною на улицѣ тревоги очень не скоро. Въ домѣ Иванова пламя втянулось сквознымъ токомъ воздуха, потому что, спасая вещи, раскрыли всѣ двери и ставни.

П. Савенко.

М. Я. Писаревъ утвержденъ графомъ Игнатьевымъ въ званіи правителя дѣлъ отдѣла геогр. общества.

Насъ просятъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что пепелище отъ пожара 21 іюля все еще дымится и ночью 24 августа горѣло пламенемъ и разбрасывало искры. Вѣдь на чьей нибудь обязанности должно-же лежать потушеніе этого пламени.

Многіе справедливо жалуются, что въ нагорной части города—ремесленной слободѣ и знаменскомъ предмѣстьи не только нѣтъ бланковъ на домахъ, но даже нѣтъ и обозначенія улицъ. Пора-бы упорядочить это дѣло; при нумераціи домовъ по улицамъ лучше всего держаться той системы, чтобы на одной сторонѣ были четные, а на другой не четные №№.

Письмо въ редакцію. Покорнѣйше просимъ не оставить помѣщеніемъ нижеслѣдующаго заявленія: Въ № 24 „Сибирской Газеты“ за текущій годъ появилась замѣтка о томъ, что изданіе газеты не можетъ осуществиться вслѣдствіе, будто-бы, запрещенія учителю Кудрявцеву быть редакторомъ, оставаясь въ то же время на службѣ. Замѣтка эта была перепечатана въ № 28 „Восточнаго Обзорѣнія“, а въ № 29 „Сибири“ появилась даже въ отдѣлѣ внутренней хроники статья подъ названіемъ: „По поводу одного

*) Во время образованія К-о промышленности В. П. Сукачевъ былъ несовершеннолѣтнимъ, и потому срокъ на предъявленіе иска для него истекалъ позже, чѣмъ для города и А. Н. Портновой.

*) Домъ Петрова почти напротивъ сгорѣвшаго дома Иванова.

извѣстія“. Между тѣмъ, изданіе газеты въ г. Красноярскѣ не состоялось потому, что ходатайство наше, какъ извѣстно, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати сначала телеграммой на имя одного изъ насъ, отъ 30 мая с. г., а потомъ официально чрезъ полиціймейстера г. Красноярска, отъ 29 мая, за № 2,354, г. министромъ внутреннихъ дѣлъ склонено безъ объясненія причинъ.

Ии. Кузнецовъ.
Е. Кудрявцевъ.

Въ селахъ началась жатва: озимые мѣстами хороши, мѣстами—неумолотны. Первый иней палъ 18 августа, но онъ не повредилъ ни хлѣбамъ, ни овощамъ. Будь-бы у насъ жатвенныя машины,—какъ-бы кишѣла работа и сколько-бы зерна сбереглось у крестьянъ. А теперь—торопятся жать рожь, а пшеница сыплется...

Изъ Балаганскаго вѣдомства. Письмоводителемъ балаганской стеной думы служить С—въ, но нельзя сказать, чтобъ онъ былъ избранъ обществомъ. Содержаніе думы прежде обходилось до 6,000 р. и когда открылась вакансія письмоводителя, то явилось много желающихъ занять это мѣсто, съ условіемъ значительнаго уменьшенія расходовъ на думу. Къ несчастію, на общественный сугланъ для выбора письмоводителя пріѣхалъ самъ исправникъ Ш—въ и съ собою привезъ писаря С—ва. На сугланѣ В—въ, Л—въ, О—въ, С—въ и другіе соглашались быть письмоводителями думы за 2,000 руб. въ годъ съ общества, кромѣ казеннаго 600 руб.; слѣдовательно, сбережено было-бы 3,400 руб.; такъ какъ въ балаганскомъ вѣдомствѣ 8,330 душъ, то внутренняя повинность уменьшилась-бы съ каждой души около 40 коп. Исправникъ Ш—въ не согласился на это, но привезенный имъ С—въ для видимости заявилъ, что онъ будто-бы по мѣрѣ возможности постарается уменьшить содержаніе думы въ пользу общества. Общественники хранили глубокое молчаніе; тогда исправникъ Ш—въ инородческимъ властямъ приказалъ принять С—ва письмоводителемъ думы и составить общественный приговоръ; нѣкоторые довѣренныя отъ общества и родоначальники не согласились на выборъ С—ва, но въ виду настоянія исправника Ш—ва, большинство довѣренныхъ, по приказанію своихъ родоначальниковъ, подписали общественный приговоръ о выборѣ письмоводителемъ С—ва. Сдѣлавшись письмоводителемъ балаганской думы, С—въ свое обѣщаніе—уменьшить расходы думы—позабылъ.

Оттуда-же. Дорожная очистка была ничѣмъ не аккуратная, а только для видимости; и въ результатѣ получилось, что вскорѣ по исправленіи моста на 8 вер. отъ Балаганска по рѣчкѣ Унгѣ, на немъ провалился съ телегой и двумя лошадьми нѣкто Петровъ, который, спустя нѣсколько дней, померъ: паденіе было съ высоты около двухъ сажень.

Изъ верховленскаго округа. Урожай хлѣбовъ ожидается хорошій, если только въ

августѣ будетъ сухая погода; сѣна также много. Время и верховленскому округу поправить свое благосостояніе.

Не лишнее-бы было, если-бы на перевозѣ черезъ р. Илгу были перевозчики, а то приходится по деревнѣ искать народъ, что въ страдное время весьма затруднительно.

Намъ сообщаютъ, что не смотря на неоднократныя разоблаченія въ нашей газетѣ, неправильная порубка лѣса въ Троицкомъ винокуренинѣ заводѣ продолжается*) и владѣльцы этого завода только подсмѣиваются надъ гласностію; да и наша канцелярская медлительность тоже имъ на-руку; такъ, напр., по прошенію довѣреннаго заларинскаго общества, поданному въ казенную палату 5 февраля 1885 года, до сихъ поръ результата еще нѣтъ, и дѣло гдѣ-то лежитъ подъ сукномъ, судя потому, что бывшій управляющій заводомъ З—въ, на котораго сдѣлана была ссылка, какъ на свидѣтеля при допросѣ отъ исправника Шипицына, какъ слышно, до сихъ поръ еще не опрошенъ. Или еще другой случай: на этомъ-же заводѣ паровикъ неправильно поставленъ въ противность XI т. 44 ст. 7 п. фабричнаго устава, о чемъ и было донесено, кому слѣдуетъ, окружнымъ механикомъ Сѣнотрусовымъ, и начальникомъ губерніи 7 ноября 1883 года предписано привести устройство паровика въ исправность, по силѣ закона. Исправникъ Ш—въ, согласно этого предписанія, наложилъ запрещеніе на винокурение до тѣхъ поръ, пока исправленіе не будетъ сдѣлано; но по весьма непонятнымъ причинамъ винокурение разрѣшено, хотя никакихъ поправокъ не было произведено. Слѣдовало-бы обратить вниманіе на это обстоятельство и заставить К^о Троицкаго завода передѣлать паровичную печь и даже самое помѣщеніе, которое по величинѣ въ три раза менѣе, чѣмъ полагается закономъ 44 ст. 7 пункт., а также не мѣшало-бы и агенту русскаго страхового общества принять это къ свѣдѣнію, такъ какъ заводъ застрахованъ, и, кромѣ опаснаго паровика, владѣльцы завода дозволили рабочимъ строить балаганы и дома въ близи винницы, отчего и можетъ быть несчастный случай, такъ какъ рабочіе неглижерски обращаются съ огнемъ.

Изъ Жигаловой. Въ ночь съ 4 на 5 августа у насъ сдѣлано двѣ покражи со взломомъ: на телеграфной станціи изъ амбара вытащили фунтовъ 10 масла, два лома и мѣдный тазикъ; у купца-же Н. вытащили 2½ мѣста чаю. Кромѣ того, на почтовой станціи также была попытка обокрасть амбаръ. Мѣстные обыватели не особенно удивляются подобнымъ событіямъ, такъ какъ кража со взломомъ здѣсь заурядное явленіе. Да и есть кому красть: прохода по улицѣ около кабаковъ, въ каждый день видите разгульное пьянство разнаго сброда; вѣдь, беретъ же откуда нибудь средства на безпросынное пьянство эта голытьба? Но вотъ что странно: весь этотъ сбродъ шумитъ, дерется и пьянствуетъ на глазахъ сельскихъ властей, а онѣ

*) Намъ сообщено, что слѣдствіе поэтому дѣлу производится. Прим. ред.

не принимаетъ рѣшительно никакихъ мѣръ къ прекращенію этого разгула.

Изъ Киренска. 29 ч. іюля приходилъ сюда новый пароходъ «Іоаннъ Предтеча» — наименьшій изъ всѣхъ пароходовъ, плавающихъ по Ленѣ. Онъ принадлежитъ якутскому купцу—инородцу Идельгину и еще впервые прибылъ сюда изъ Олекмы. Служащіе парохода рассказываютъ, что они обогнали пароходъ «Гонецъ» Сибирякова, который, идя утромъ въ туманѣ, налетѣлъ на мель и глубоко сѣлъ носомъ, около селенія Дарына, въ разстояніи 75-ти верстъ отъ Киренска. Для снятія парохода командировано управляющимъ пароходства К^о Сибирякова и Базанова ст пристани «Виски» около сотни человѣкъ рабочихъ, которые, обкопавъ его кругомъ, вытащили изъ земли и подняли на слепи, чтобы спустить въ воду.

В. Р—ій.

Изъ Киренска описываютъ забавную сцену: Выписаны были городскимъ управленіемъ новыя пожарныя машины и въ одинъ торжественный день назначенъ былъ осмотръ. Собралось все чиновначаліе, но торжество окончилось неудачей: едва лошади отвезли машины и инструменты вѣскольکو сажень отъ сараевъ, какъ началось крушеніе поѣзда: у одной телеги поломались колеса, въ другой—расприглись лошади. Наконецъ, сами обозные, испугавшись всеобщаго крушенія, разбѣжались, кто куда могъ. Собравшейся публикѣ оставалось любоваться всеобщимъ разрушеніемъ, а начинатели дѣла ушли со стыдомъ во-свои.

Киренскъ. Напоминаніе нашему обществу относительно нерадѣнія его о поддержаніи богадѣльни для нищихъ не осталось тщетнымъ. Въ настоящее время живетъ въ богадѣльнѣ нѣскольکو человѣкъ нищихъ, хотя и безъ всякой еще посторонней поддержки. Какъ слышно, проектируются улучшенія самаго зданія богадѣльни снаружи и поправки внутри его; возникаетъ общество попечительства о бѣдныхъ, имѣющее содѣйствовать содержанію нищихъ, убогихъ, словомъ, немощныхъ и престарѣлыхъ людей въ богадѣльнѣ, избираются попечителемъ члены, изъ которыхъ многіе жертвуютъ и денежныя вклады. Такимъ образомъ, пріискиваются средства къ содержанію богадѣльни. Пожелаемъ успѣха добродѣлю.

В. Р—цкій.

Изъ Баргузина. Нашъ городъ сталъ упадать во всѣхъ отношеніяхъ: хлѣбъ цѣной дошелъ до 1 р. 80 к.; сѣно ни почемъ нельзя купить, косить начали поздно, вслѣдствіе большой прибыли воды, да и то первоначально на высокіхъ мѣстахъ, которыхъ здѣсь не много; рыбныя промыслы плохи, такъ что русскому люду живется плохо; но зато евреи живутъ въ свою волю: чего хотять, то и дѣлають и все то въ ихъ рукахъ. Бурятамъ и русскимъ отдають товаръ въ долгъ, а весной бѣдуть и за долгъ обирають, что только возможно: скотъ, масло, шерсть овечью, кожи и т. п. Одинъ богатый

виноторговецъ, впрочемъ, русскій, обладающій, кромѣ винокуренного завода, мельницей, стекланнымъ и соевареннымъ заводами, открылъ еще здѣсь крупчатную и стекланныю торговлю и посадилъ приказчикомъ еврея; отъ этого проистекаютъ слѣдующія неудобства: въ субботу лавка цѣлый день затворена, а русскому-то люду и нужно купить какихъ-нибудь 5 или 3 фунтовъ крупчатки къ воскресенью. Даже врачи-то наши будто охотнѣе оказываютъ помощь евреямъ.

Дождей у насъ много, хлѣба, благодаря Бога, хороши; весь людъ радуется, а въ особенности кулаки-крестьяне; у нихъ и свой хлѣбъ хорошъ, да и задаромъ взять еще на корню у бѣдняка крестьянина.

Изъ читканской волости (барг. окр.) пишутъ, что волостной старшина не сталъ давать потачки писарямъ, и дѣло пошло лучше и народъ сталъ менѣе бѣдствовать.

Мы слышали, что 14 селеній въ Забайкальи уплатили до 2 т. р. на исправленіе дорогъ и наемъ лошадей для прогулки какой-то барыни, вздумавшей въ самую страдную пору прогуляться 500 верстъ по проселочнымъ дорогамъ.

Изъ Красноярска пишутъ. Если на издателя „Русск. Курьера“ Ланина напали съ револьверомъ въ рукахъ у самого порога его дома по поводу отпечатанныхъ въ его газетѣ статей о кокуевской катастрофѣ, то что-же думать о провинціальномъ корреспондентахъ, пишущихъ о разныхъ злоупотребленіяхъ? И въ слѣдъ за этимъ описывается одна возмутительная исторія, разыгравшаяся надъ нашимъ корреспондентомъ изъ Красноярска.

Характеръ переселенческаго движенія нынѣшняго „сезона“ вполне выяснился. Оно гораздо интенсивнѣе и—такъ сказать—регулярнѣе прошлогодняго. Въ то время, какъ въ прошломъ году, за все навигаціонное время, черезъ Томскъ, прослѣдовало около 5 тысячъ человекъ,—въ нынѣшній сезонъ за 1½ мѣсяца (а сезонъ протянется, по крайней мѣрѣ, еще 2½ мѣсяца) чрезъ Томскъ уже прослѣдовало 4,520 человекъ, и изъ этого количества на одну недѣлю приходится слишкомъ тысяча человекъ!

А непрерывно появляющіяся въ газетахъ сообщенія и корреспонденціи говорятъ, что народъ движется со всѣхъ сторонъ, что переселенческому движенію нѣтъ предѣловъ. Тянутся со всѣхъ концовъ обширной земли русской, тянутся со всѣхъ полосъ старики и молодые, мужики и бабы, богатые и бѣдные. Это по-истинѣ „великое переселеніе“—только не съ Востока на Западъ, а наоборотъ! Главныя причины, толкающія нашего многострадальнаго пахаря на новыя мѣста, все тѣже—исконныя—„малоземелье“, „утѣсненіе въ землѣ“ и непрерывное, безмѣрное прогрессивное возвышеніе арендныхъ цѣнъ на землю, а мужику, какъ извѣстно, безъ земли также невозможно жить, какъ и бѣ безъ воды („Сиб. Газ.“).

Командированные м—вомъ юстиціи чиновники для ревизіи судебныхъ мѣстъ мало-по-малу двигаются далѣе. Въ Каинскіи они раздѣлились на двѣ группы; одна направилась въ Бійскъ, другая—въ Барнауль.—Въ Томскѣ ревизоры ждутъ 25 іюля. По слухамъ, ревизоры всюду находятъ фактическое доказательство народныхъ убѣжденій: „законы свѣты, да исполнители—лихіе супостаты“; „что намъ законы? Лишь-бы судьи были знакомы“ и друг. подоб. Отъ такихъ слуховъ восточно-сибирская юриспруденція—Оемида ужасомъ многимъ содрогается („Сиб. Газ.“).

По поводу помѣщенной въ № 26 нашей газеты замѣтки изъ Павлодара о чествованіи памяти славянскихъ первоучителей насъ проситъ заявить слѣдующее: ни инспекторъ училища и никто другой никакой подписки не устраивали ни 5, ни 6 апрѣля; но 6 апрѣля на средства городской думы и нѣкоторыхъ (очень не многихъ) частныхъ лицъ, послѣ молебна и произнесенія рѣчей, учителями-инспекторомъ и учителемъ закона Божіа былъ устроенъ въ зданіи училища завтракъ для собравшагося общества и розданы подарки ученикамъ. Сумма денегъ, на которую все это было устроено, была очень незначительна и имѣла единственно лишь вышеупомянутое назначеніе. Затѣмъ память первоучителей славянскихъ была достойно почтена какъ училищемъ, такъ равно и павлодарскимъ обществомъ въ лицѣ городской думы, которая сдѣлала въ ознаменованіе этого великаго дня слѣдующее постановленіе: „принять платежъ за право ученія всѣхъ дѣтей городского сословія, обучающихся въ трехклассномъ городскомъ училищѣ, на счетъ города“. Едва-ли много найдется такихъ городовъ въ Сибири, гдѣ-бы думы въ ознаменованіе великаго дня 6 апрѣля такъ симпатично-разумно думали!

Учитель павлодарскаго городского училища О. Барулинъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

УСТЬКУТЬ. Погода съ 1 августа стоитъ отвратительная: каждый день идутъ дожди, которые и мѣшаютъ уборкѣ травъ. Травы, хотя въ низменныхъ мѣстахъ и были залиты 1-го іюля водой, но все-таки хороши и ихъ-бы было достаточно, ежели-бы только не мѣшалъ уборкѣ ежедневный дождь. Хлѣба, какъ надо полагать, будутъ средніе: яровые ранняго посѣва на горахъ мѣстами дозрѣли, а на низкихъ не дозрѣли; опасаются какъ-бы не палъ иней, что у насъ въ это время не рѣдкость. Грибовъ и ягодъ тоже мало.

Пароходы „Константинъ“ (гг. Базанова и Сибирякова), „Св. Михайлъ“ (г. Липаева), совершая аккуратно рейсы чрезъ 10 дней, въ особенности лерый, хотя и доставляютъ сюда много пассажировъ изъ простаго люда, но они не останавливаются въ Устькутѣ, а сейчасъ-же уходятъ въ наемныхъ лодкахъ отъ 15 до 20 человекъ въ каждой—одни по Кутѣ до Каймановой, а другіе по Ленѣ до Амолаи, такъ что нашимъ торговымъ людямъ отъ нихъ выгоды нѣтъ. Цѣны на хлѣбъ и прочіе продукты поднимаются: мука ржаная 2 и 2 р. 25 к.), пшеничная 3 р.,

*) Есть, впрочемъ, на заводѣ Сапожникова и въ 1 р. 40 к. пудъ, но ея вѣтъ нельзя: затхлая и горѣлая.

масла безмѣнъ 1 р., сахару фун. 40 к., кирпичъ чаю 1 р. и 1 р. 5 к., свѣчи салныя фунтъ 30 к., стеариновыя 48 к. Торговцы наши жалуются на безденежье въ народѣ? Да и откуда послѣднему взять денегъ, вѣдь только выйдетъ ямщина за почтовую и обывательскую гоньбу, сейчасъ-же прежде всѣхъ ѣдетъ смотритель почт. станц. по своему району для ревизіи, а затѣмъ тянется торговый людъ для сбора долговъ: крестьянинъ только полюбуется на кредитки, другому-же не остается и на выпивку. Для торговаго люда, да и для самихъ крестьянъ только и выгоды, что отъ проезжаго народа на пароходахъ, въ особенности по орлинской волости.

Здѣсь совершена слѣдующая болѣе или менѣе замѣчательная кража. Дѣло было такъ: у проживающаго здѣсь нѣкоего Измайлова были гости и просидѣли до 2-хъ часовъ ночи. Самаго И. дома не было, а была одна его жена съ 3-мя малолѣтними дѣтьми. Не успѣла г-жа И—ва, по проводѣ гостей, еще заснуть, какъ услышала, что будто-бы, что-то въ мезонинѣ стукнуло—и, не обративъ вниманія, что одинъ изъ оконныхъ ставней ея спальни не закрытъ, начала дремать, какъ вдругъ является въ спальню здоровенный мужичина, собираетъ снятыя ею мелкія вещи со столика, какъ-то: серьги, браслеты, кольца и т. п., затѣмъ начинаетъ шарить по карманамъ платьевъ; въ одномъ изъ нихъ взялъ ключи, тутъ-же началъ отмыкать первый попавшійся сундукъ, гдѣ, сверхъ прочаго скарба, лежали единственные 600 руб. Взявъ деньги, воръ не сталъ забирать вещи, а преспокойно, оставивъ ножъ у сундука, отворилъ запоры параднаго крыльца и вышелъ; все это г-жа И—ва видѣла, но закричать боялась (да ежели-бы и закричала, то, по слухамъ, воръ сейчасъ-бы ее зарѣзалъ: иначе и ножъ-бы ему брать не зачѣмъ); какъ только воръ ушелъ, г-жа И—ва вскочила на улицу другимъ ходомъ и закричала; къ счастью, не вдалекѣ отъ ея квартиры шелъ сельскій старшина, который сейчасъ-же по горячимъ слѣдамъ розыскалъ вора и все краденное. Вообще, нашей земской полиціи хотъ она и мизерная (старшина и два кандидата) нужно отдать полную справедливость и спасибо за ея дѣятельность, такъ какъ не было кражи, которая-бы не была розыскана. Слѣдовательно, мы живемъ гораздо покойнѣе, чѣмъ иркутяне.

ИЗЪ ВЕРХОЛЕНСКАГО ОКРУГА. Вслѣдствіе обилія выпавшаго съ 2 по 5 іюля дождя, рѣчка Куленга, впадающая съ лѣваго берега въ рѣку Лену, вышла изъ своихъ береговъ, затопивъ водою всѣ луговые покосы. Во многихъ расположенныхъ близъ рѣчки Куленги селеніяхъ разрушены водою цѣлыя строенія и снесены сплошь огороды. Картина разрушенія была ужасная. Вся рѣчка была покрыта массою сплошнаго пливущаго по ней лѣса, тутъ несло баню, тамъ амбаръ, далѣе трупы утонувшихъ лошадей и коровъ. Убытки не приведены еще въ извѣстность, но, вѣроятно, громадны. Такъ, въ 3-хъ только селеніяхъ 3-го Чернорудскаго

рода съ населеніемъ въ 319 душъ, насчитываютъ понесенныхъ убытковъ около четырехъ тысячъ рублей. Покосясь всё замлыло и занесло иломъ. Опять будетъ безкормица и далеко хуже прошлогодней. На выстроенномъ недавно куленскомъ тракту, стоившемъ правительству и крестьянамъ болѣе миллионна рублей и почему-то до сихъ поръ не открытомъ, во многихъ мѣстахъ поломало мосты и размыло полотно дороги, такъ что лѣтнее сообщеніе по этому тракту теперь не мыслимо и исправлять его не кому и не на что, потому что крестьяне, по предписанію начальства, цѣлые мѣсяцы проводятъ на исправленіи главнаго якутскаго тракта, хотя тамъ и нечего дѣлать столько времени; и вотъ бѣдные крестьяне стоятъ на дорогѣ и голодуютъ, потому что у многихъ почти совсѣмъ нѣтъ хлѣба. Крестьяне верхоленской и манзурской волостей неоднократно просили исправника исходатайствовать у г. губернатора разрѣшенія взять заимообразно на пропитаніе изъ сельскаго магазина хлѣба, отзываясь что не съ чѣмъ ѣхать на дорогу. Исправникъ отказалъ. Но и у выносливаго сибирскаго крестьянина есть конецъ терпѣнью. Крестьяне бросили работы и разошлись по домамъ, а кандидатъ по головѣ былъ арестованъ исправникомъ при полиціи.

Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ „Сибиря“ сообщалось, что киренскій исправникъ имѣетъ быть уволеннымъ отъ этой должности. У насъ также ходятъ упорные слухи о смѣнѣ исправника Киселева.

ВЕРХОЛЕНСКЪ, 10 іюля. На прошлой недѣлѣ состоялась сходка по поводу новаго судопроизводства, которое пинѣ съ 1-го сентября войдетъ въ свои права, съ мировымъ посредникомъ, слѣдователемъ и выборными отъ крестьянъ. Затѣмъ состоялся приговоръ о дѣленіи волостей. На сходкѣ были доверенные отъ крестьянъ разныхъ волостей, но заправилой всего явился пѣкто М. изъ „благодѣтелей“; онъ одинъ говорилъ и отвѣчалъ, а прочіе „галдѣли“ и затѣмъ „наугощались“. Какъ пойдутъ дѣла при новыхъ судахъ, мы не рѣшаемся пока сказать ничего, чтобы не впасть въ ошибку, хотя отъ всей души желаемъ успѣха этому благому дѣлу. „Подождите, что у нихъ будетъ, говорятъ „блюстителѣ“: всё они окончателно сольются и запутаются, кулаки только того и ждутъ, чтобы царить надъ ними“. Но, быть можетъ, вся эта зависимость крестьянъ отъ кулаковъ падетъ, если-бы завести ссудо-сберегательныя кассы. Городскихъ суммъ было въ банкѣ 25 т.; изъ нихъ 5 т. издержано на больницу; на основаніе „касс“ могъ-бы идти этотъ остатокъ. Затѣмъ, быть можетъ, будутъ назначены сюда болѣе свѣтлыя личности въ лицѣ „мироваго“ и „слѣдователя“, которые „осадятъ“ благодѣтелей и радѣтелей до мірскихъ дѣлъ, ради своекорыстныхъ цѣлей. Теперь-же, при подачѣ голоса какимъ нибудь кулакомъ, крестьяне положительно пасуютъ не потому, чтобы они считали данное лице компетентнымъ, или относились нерадиво къ своимъ интересамъ,—далеко нѣтъ, просто боятся говорить, опасаясь послѣдствій: каждый изъ „благодѣтелей“ имѣетъ всё шансы преслѣдованія смѣльчака. Одинъ участокъ въ полной кабалѣ у С., другой у Б., третій у П. и т. д. до самого глухаго угла въ округѣ.

Надняхъ состоялся комитетъ по поводу городской больницы. Наконецъ-то, думали мы, наша „больница“ приметъ надлежащій видъ, разрѣшатся необходимыя вопросы, какъ-то: о содержаніи больныхъ и служащихъ, объ устройствѣ амбулаторнаго отдѣленія, о заведеніи необходимыхъ инструментовъ и медикаментовъ и проч. и проч.; но все дѣло ограничилось однимъ въ б о р о м ъ э к о н о м а изъ „благодѣтелей“, съ обязательствомъ выдачи продуктовъ для „пустой больницы“.

Нѣсколько дней проливнаго дождя дало много воды; всё рѣки разыгрались, особенно Куленга; у многихъ размыло огороды и все унесло, затопило луга; на одномъ изъ нихъ погибло 15 ш. скота; въ нѣкоторыхъ деревушкахъ подмыло амбары, унесло лѣсъ съ берегу и проч. Справедливо, что бѣда одна не приходитъ: эпидемія голодъ, и потопъ. А какія были превосходныя травы по Куленгѣ! Теперь все занесло иломъ. Косить еще не начинали, а тутъ, пожалуй, опять на работу: дорогу размыло, мосты свесло, поломало.

Франсисъ Гарнье въ Китаѣ.

Ст. II.

Возвратясь снова въ Шанхай, Гарнье поплылъ вверхъ по Янцѣ-киангу. Описаніе этого плаванія занимаетъ вторую половину книги. Отсюда мы заимствуемъ описаніе города Шунъ-цино, который былъ конечнымъ пунктомъ этого путешествія.

Тшунъ-кинъ-фу, 10-го іюля. «Городъ Тшунъ-кинъ самый значительный торговый центръ Сычуана. Онъ построенъ при слияніи Большой рѣки съ рѣкой, идущей изъ Хо-джеу и имѣетъ сообщеніе со всей сѣверо-западной частью провинціи. Онъ служитъ складочнымъ мѣстомъ продуктовъ, идущихъ изъ Юннана и Тибета, а также и товаровъ европейскихъ, которые привозятся изъ Шанхая. Его населеніе считается до 300 т. душъ. Тшунъ-кинъ имѣетъ биржу, гдѣ обсуждаются, какъ въ Европѣ, цѣны различныхъ товаровъ. О торговомъ значеніи города можно судить по слѣдующему. По наущенію одного изъ миссіонеровъ О. Yainsot, три или четыре завода заняты здѣсь очищеніемъ серебра, т. е. тѣмъ, что извлекаютъ не большое количество золота, которое оно содержитъ. Черезъ ихъ плавильники ежедневно проходитъ 100 т. франковъ въ слиткахъ. Въ Китаѣ, какъ извѣстно, нѣтъ серебра въ монетѣ. Городскіе банки отпускаютъ имъ серебро утромъ, авансомъ и на слѣдующій день они возвращаютъ ими взятое тѣмъ-же вѣсомъ. Плавильни платятъ за этотъ однодневный заемъ извѣстный процентъ. Ихъ прибыль въ общемъ исчисляется въ 3—4 процента съ употребленной суммы. Они кладутъ свою печать на очищенное серебро, чтобы не брать его вновь. Впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, какъ продолжается эта индустрія, въ серебрѣ еще недостатка не было. Поэтому, кажется, можно судить, что торговое движеніе ежегодно бросаетъ въ Тшунъ-кинъ около 40 миллионновъ новаго серебра.

Рядомъ съ этимъ богатствомъ выставляется, какъ повсюду въ Китаѣ, отвратительный контрастъ неопикуемой бѣдности. Епископъ говорилъ мнѣ, что въ день поднимаютъ по меньшей мѣрѣ восемь-девять труповъ людей, умершихъ отъ голода или болѣзни на улицахъ города. Если благотворительность согражданъ не заботится объ нихъ при жизни, то она усердно занимается доставленіемъ имъ вѣчнаго жилища. Существуетъ большая ассоціація, съ единственной цѣлью доставлять издержки на погребеніе тѣхъ, которые умираютъ такимъ образомъ, безъ семьи и безъ имени. Она издерживаетъ значительныя суммы на покупку гробовъ. Епископъ католической миссіи не отказывается, также какъ и всё вліятельныя люди въ городѣ, отъ внесенія своей части въ это благотворительное общество. Извѣстно, какую цѣну придаютъ китайцы своему послѣднему жилищу и какой ужасъ они испытываютъ при мысли, что у нихъ не будетъ гроба. Самые бѣдные переносятъ крайнія лишенія, чтобы сзаконить его стоимость. Богатые заготовляютъ его заранее. Это одинъ изъ тѣхъ подарковъ, которые другъ не боится сдѣлать другу.

Тшунъ-кинъ соединенъ съ Хань-коу правильнымъ почтовымъ сообщеніемъ, быстрота котораго замѣчательна. Оно основано тремя частными компаніями. Почта отправляется черезъ каждыя пять дней. Внизъ по рѣкѣ она сплавляется на не большой баркѣ, которая служитъ только на одинъ путь,—по прибытіи въ Хань-коу, ее продаютъ. Перебѣздъ продолжается отъ 12 до 15 дней, сообразно съ временемъ года; назадъ тащить барку вверхъ по теченію было-бы слишкомъ долго и потому перевозка совершается берегомъ, на лошади или пѣшкомъ. На обратный путь употребляютъ 18—19 дней. Пересылка письма стоитъ 40 чоховъ (= 8 коп.), какъ-бы ни былъ вѣсъ. Въ спѣшныхъ случаяхъ торговые дома посылаютъ экстраординарныхъ курьеровъ, которые идутъ день и ночь и совершаютъ переходъ въ 5—6 дней почти (1,100 верстъ).

Частная инициатива замѣняетъ во всемъ въ Китаѣ дѣятельность правительства; послѣднее слишкомъ испорчено и слишкомъ неспособно, чтобы заниматься въ настоящее время истинными интересами страны. Мосты, дороги, набережныя, каналы строятся по подпискѣ и содержатся коммерсантами.

Пользуясь легкостью и удобствомъ сообщенія Тшунъ-кина какъ съ берегомъ (и значить съ Кохинхиной и Европой), такъ и со внутренностью страны, Гарнье намѣренъ былъ сдѣлать этотъ городъ своей главной квартирой на время будущаго путешествія въ Тибетъ. Причемъ онъ замѣчаетъ, что поводомъ къ этому было и то, что начальникъ города принялъ его очень благосклонно, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ. Пріѣхавъ въ Тшунъ-кинъ, Гарнье нашелъ весь городъ въ большомъ бѣдствіи: дожди, не переставая,

или 45 суток; вода въ рѣкѣ прибыла, затопивъ берега, и надѣлала много бѣдствій. На жителей города, по распоряженію амбана, наложенъ былъ постъ, во всемъ городѣ нельзя было найти ни фунта мяса. Католическіе миссіонеры должны были раздѣлять ту-же участь. Гарнье, по состоянію барометра, предсказалъ на завтра хорошую погоду; подпрефектъ города, какъ онъ называетъ, узналъ эту пріятную новость, велѣлъ заколотъ свинью, — это сдѣлалось извѣстно начальнику города, и чуть не повело къ серьезнымъ неудовольствіямъ между властями города; къ счастью, Гарнье оказался хорошимъ пророкомъ и по состоянію погоды на другой день амбанъ и самъ увидѣлъ, что можно уже и снять запрещеніе съ жителей города. Въ городѣ послѣ поста наступило всеобщее ликование и Гарнье былъ принятъ амбанемъ и властями самымъ наилучшимъ образомъ.

Амбанъ Тшун-кина въ тоже время второй начальникъ провинціи; человѣкъ образованный, по-китайски, имѣетъ высшую ученую степень (членъ института, какъ сказали-бы у насъ, прибавляетъ авторъ). Это китайскій ученый наименѣе невѣжественный и наиболѣе знакомый съ положеніемъ вещей на западѣ, чѣмъ обыкновенно бываютъ его сотоварищи; онъ изъ провинцій Тчекіангъ, гдѣ промышленный центръ Шанхай, и потому имѣлъ частыя сношенія съ европейцами.

Гарнье говоритъ, что, по-живши въ Тшун-кинѣ, онъ ознакомился съ мелочами китайскаго этикета и даже научился цѣнить ихъ. «Визитныя карточки, — говоритъ онъ, — извѣстнымъ образомъ написанныя могутъ сейчасъ-же показать въ какихъ социальныхъ отношеніяхъ находятся особы, обмѣнявшіяся ими и какія чувства желаютъ они выразить одинъ другому. Формальности стѣснительны, но ихъ всегда можно обойти; здѣсь можно имѣть нераположеніе къ человѣку, но никогда ссору. Достоинство человѣка благовоспитаннаго состоитъ въ томъ, чтобы беречься собственныхъ увлеченій.

Онъ посѣтилъ также нѣкоторые окрестности Тшун-кина, побывалъ на заводѣ, гдѣ переплавляется серебро и говоритъ, что фабрикація сѣрной кислоты, которая необходима при растворѣ серебра, ведется китайцами разумно, особенно если принять во вниманіе несовершенство ихъ препаратовъ и недостатокъ научныхъ средствъ, которыми они обладаютъ. Не много времени понадобится китайцамъ, — прибавляетъ онъ, — благодаря ихъ практическому генію и обилію угля и металловъ въ ихъ почвѣ, чтобы сдѣлаться равными намъ въ этомъ отношеніи.

Дальше слѣдуетъ маленькая картинка, рисующая нелѣловой Китай.

Не много далѣе отъ города, вдали отъ промышленнаго движенія, среди деревенской тишины, находится нѣсколько увеселительныхъ домовъ, куда негоціанты приходятъ забыть ихъ торговые занятія и отдаться удовольствіямъ. Обыкновенно эти

роскошныя резиденціи бываютъ построены на общій счетъ жителями какой-либо провинціи. Гарнье былъ приглашенъ на обѣдъ, данный ему на виллѣ, принадлежащей негоціантамъ Кіанг-си. Онъ описываетъ эту виллу, какъ самый пріятный уголокъ, гдѣ искусство садовода достигло высшей степени. Ничего грандіознаго, — говоритъ онъ, — ни одного далекаго вида, но данными условіями мѣста и почвы воспользовались мастерски и подробности превосходны. Домъ состоитъ изъ большихъ залъ роскошно убранныхъ, вокругъ небольшихъ отдѣльных комнатъ, гдѣ можно уединиться съ друзьями и избѣжать толпы, не переставая любоваться природой. Любители уединенія и влюбленные найдутъ въ боскетахъ и кіоскахъ убѣжища самыя вѣрныя и молчаливыя. Метръ-дотель постоянно находится при домѣ, чтобы получить распоряженія посѣтителей. Это родъ тѣснаго кружка, куда не можетъ быть приведенъ чужой иначе, какъ съ позволенія всѣхъ подписчиковъ-собственниковъ.

Принимая во вниманіе серьезность и стѣсненіе, которыя внесло въ это общество присутствіе европейца, Гарнье находитъ, что, не смотря на свой формализмъ, китайцы умѣютъ быть веселыми. Ему говорили также, что они часто бываютъ развратны, но онъ самъ не можетъ подтвердить этого.

Изъ Шунг-цина Гарнье снова вернулся въ Хань-коу и Шанхай, чтобы тамъ дожидаться обѣщаннаго ему изъ Пекина паспорта, но здѣсь онъ нашелъ письмо, призывающее его снова въ Кохинхину, гдѣ онъ и былъ убитъ въ декабрѣ того-же 1873 года.

Въ концѣ книги приложенъ отчетъ о путешествіяхъ въ центральный Китай (долину Янтце-кіанга), представленный парижскому географическому обществу. Это краткое и болѣе научное изложеніе того, что находится въ книгѣ. Здѣсь, кромѣ общаго описанія пройденнаго пути, содержатся указанія о населеніи, правахъ, производительности почвы, земледѣліи промышленности, торговли и навигаціи. Приложенъ метеорологическій дневникъ и карта пути, съ указаніемъ мѣстъ удобныхъ и неудобныхъ для плаванія пристаней, и портовъ.

Къ книгѣ приложена также небольшая брошюра Гарнье: «Роль Франціи на крайнемъ востокѣ», гдѣ авторъ говоритъ: «мы пользуемся этимъ этюдомъ, чтобы разсмотрѣть, какими средствами китайская нація можетъ быть приведена къ тому, чтобы войти въ общій концертъ съ европейцами и какую будущность сохранить за собой Франціи въ этихъ богатыхъ странахъ.

Въ брошюрѣ разсматриваются причины, почему Китай такъ упорно отказывается отъ европейской цивилизаціи и также средства, съ помощью которыхъ можетъ совершиться мирное завоеваніе Европой этой страны.

Одно изъ главныхъ препятствій къ усвоенію европейскаго знанія, Гарнье,

также какъ и Давидъ, видитъ въ іероглифическомъ письмѣ, которое сдѣлало книжной языкъ китайцевъ далекимъ отъ языка разговорнаго и неподвижнымъ. Этотъ языкъ дѣлаетъ изъ китайскихъ литераторовъ ученыхъ педантовъ, не желающихъ знать современныхъ потребностей жизни. Чтеніе книгъ въ Китаѣ, вмѣсто того, чтобы служить средствомъ пріобрѣтенія знаній, сдѣлалось само себѣ цѣлью, говоритъ авторъ. Между тѣмъ, знаніе древнихъ авторовъ даетъ право на занятіе высшихъ должностей въ имперіи, даетъ большое вліяніе людямъ литературнымъ, а черезъ это въ глазахъ народа сохраняется уваженіе къ этому знанію.

Этотъ-то правящій классъ въ настоящее время и борется съ западными вліяніями; для него принятіе западной цивилизаціи равносильно отреченію отъ всякой власти.

Что кажется простаго народа, то Гарнье думаетъ, что для такихъ практиковъ, каковы китайцы, превосходство западной индустріи и цивилизаціи не могутъ не быть очевидны; а внутреннія неурядицы, неспособность стараго правительства и недостатки стараго порядка вещей, не могутъ оставаться незамѣченными, особенно жителями береговыхъ провинцій, которые имѣютъ возможность сравнивать свой бытъ съ европейскимъ; и если движеніе въ пользу запада начнется, то оно будетъ совершенно китайской демократіей.

По мнѣнію Гарнье, европейцы (или правильнѣе французы, такъ какъ онъ завистливыми глазами смотритъ на успѣхи въ этомъ отношеніи другихъ націй) должны придти въ этомъ случаѣ на помощь китайской демократіи; а именно онъ предлагаетъ ввести въ Китаѣ фонетическую азбуку. Онъ думаетъ, что начать это дѣло могли-бы управленія такихъ городовъ, какъ Шанхай и Гонконгъ, гдѣ нѣсколько тысячъ китайцевъ всегда живетъ въ постоянной экономической зависимости отъ европейцевъ и гдѣ не будетъ недостатка въ ученикахъ для школъ, въ которыхъ преподаваніе велось-бы на китайскомъ языкѣ, но книги были-бы напечатаны латинской транскрипціей, — такъ какъ, говоритъ онъ, потребность въ грамотности очень сильна у китайцевъ и нѣтъ такой бѣдной деревушки, гдѣ не было-бы школы. Затѣмъ такія-же школы онъ проектируетъ во всѣхъ католическихъ миссіяхъ. Успѣхъ своего проекта онъ основываетъ на легкости, съ какой аннамиты въ Кохинхинѣ приняли эту методу.

Притомъ, по его мнѣнію, надо прежде всего сдѣлать переводы на современный языкъ и напечатать латинскими буквами книги древнихъ китайскихъ авторовъ, наиболѣе уважаемыхъ китайцами, — чтобы легкость пріобрѣтенія классическаго китайскаго образованія сейчасъ-же показала превосходство фонетической системы. Затѣмъ слѣдуетъ перевести тѣ изъ европейскихъ сочиненій, которыя уже имѣются на книжномъ китайскомъ языкѣ.

Современное состояніе католических миссій онъ находитъ неудовлетворительнымъ. Въ Китай миссіонеры ѣдутъ лишь съ одними теологическими познаніями; между тѣмъ, китайцы, занятые постоянно усиленной борьбой за существованіе, мало заняты своими духовными потребностями и въ большинствѣ вовсе лишены религіознаго чувства; для нихъ гораздо важнѣе было-бы видѣть въ своемъ миссіонерѣ человѣка, имѣющаго научное образованіе.

Гарнье предполагаетъ измѣнить первоначальное образованіе въ комиссіяхъ, приготавливающихъ миссіонеровъ; кромѣ того, онъ проектируетъ для миссіонеровъ, уже пробывшихъ нѣсколько времени въ Китаѣ и освоившихся съ языкомъ, основать въ Пекинѣ и Шанхаѣ коллегіи, гдѣ они могли-бы получать высшее образованіе; коллегіи эти должны были-бы быть центрами, въ которыхъ вырабатывались-бы общіе планы и давалось направленіе, въ какомъ должны были-бы работать будущіе миссіонеры.

Гиляцкія сказки.

Ст. I.

Гиляки, какъ ихтиофаги, стоятъ на самой низшей, такъ сказать, первичной ступени развитія. Но, не смотря на всю свою грубость и полную неразвитость, и они обнаруживаютъ нѣкоторые проблески умственной жизни. Чувствуя свою зависимость отъ внешней, окружающей ихъ природы и паталиваясь постоянно на непонятныя явленія, они не относятся къ послѣднимъ совершенно пассивно, но стараются объяснить ихъ по своему разумію. Равнымъ образомъ не совѣтъ индивидуально относятся они и къ своему прошедшему, но стараются замѣтить и сохранить въ своей памяти выдающіеся событія изъ своей жизни. Какъ свои наблюденія и объясненія о разныхъ явленіяхъ, кажущихся имъ почему нибудь достойными вниманія, такъ и преданія о событіяхъ минувшихъ дней, они передаютъ отъ одного поколѣнія къ другому посредствомъ примитивныхъ формъ творчества—легендъ и сказокъ. Въ этихъ произведеніяхъ ихъ умственного творчества мы, конечно, не встрѣтимъ какихъ-нибудь научныхъ объясненій непонятныхъ явленій природы и возвышенныхъ идеаловъ, не найдемъ и величественныхъ и картинныхъ описаній и образныхъ представленій сильной, пылкой фантазіи, не увидимъ и выдающихся типовъ, но не въ этомъ и заключается ихъ значеніе. Эти произведенія представляютъ небезынтересный синологическій и этнографическій матеріалъ: въ нихъ, подъ легендарной оболочкой, скрываются религіи и мораль гиляковъ, рисуется ихъ быденная жизнь и занятія и указываются отношенія къ соседнимъ народамъ. Слѣдов., легенды и сказки гиляковъ, не смотря на всю видимую пустоту и бессодержательность, могутъ служить своего рода источникомъ знакомства съ этимъ народомъ—и въ этомъ заключается ихъ значеніе,—значеніе немаловажное, особенно въ дѣлѣ изученія сравнительной мифологіи. Въ виду этого, мы считаемъ не излишнимъ передать нѣсколько сказокъ, записанныхъ нами изъ любопытства со словъ гиляковъ.

„Въ деревнѣ Тарейко жилъ богатый гилякъ, который имѣлъ красавицу дочь. Много

было жениховъ, которые желали взять ее себѣ въ жены, но она всѣмъ отказывала, не желая выходить въ замужъ. Вдругъ деревню постигло великое несчастье: всѣ до одного жители умерли и въ томъ числѣ родители красавицы. Послѣдняя осталась круглою сиротою и жила въ деревнѣ одна одиошеница, никого не встрѣчая, кромѣ голодныхъ собакъ. Долго она горевала и грустила, не зная, что дѣлать и какъ выйти изъ своего труднаго положенія? Разъ, въ минуту такой грусти и раздумья, она слышитъ стукъ въ дверь юрты, который заставилъ ее даже вздрогнуть: такъ долго она не слыхала никакого звука! Вышла она на улицу и видитъ незнакомаго молодого юношу—красавца, въ рубашкѣ изъ парчевой серебряной матеріи и въ такой-же хоскѣ*). Юноша, поздоровавшись, приказалъ ей вывести изъ юрты все грязное и потомъ вошелъ въ юрту. Онъ сдѣлался мужемъ красавицы и семейная жизнь ихъ текла счастливо: всего у нихъ было довольно и жили они въ согласіи и мирѣ. Богъ далъ имъ и 7 сыновей такихъ-же красавцевъ, какими они были сами. Когда сыновья сдѣлались взрослыми, то часто отправлялись въ море для ловли нерпѣ. Однажды теченіемъ ихъ унесло слишкомъ далеко въ открытое море и, послѣ долгаго плаванія, прибило къ незнакомому берегу. Тутъ вышелъ на встрѣчу къ нимъ большой сѣдой старикъ и, пересчитавъ ихъ, сватилъ одной рукой лодку и вынесъ ее вмѣстѣ съ ними на берегъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ большой каменный дворецъ, похожій по внутреннему устройству на юрту. Кругомъ была тишина и во дворцѣ нашлось только одно живое созданье—молодая красавица, которая сидѣла и плакала. Старикъ, разсѣвъ юношей по мѣстамъ около огня, удалился изъ дворца, который, съ его удаленіемъ, тотчасъ-же обратился въ каменную скалу, имѣющую въ срединѣ пустое пространство, и окна и двери мгновенно исчезли. Между тѣмъ, красавица, сидя у огня, продолжала плакать и при разспросахъ гиляковъ, сказала, что страшный старикъ съѣсть ее сегодня вечеромъ и что ихъ ожидаетъ та-же самая участь. Стали совѣтоваться о томъ, какъ спастись отъ смерти, и красавица посоветовала взять лахо**), висѣвшій на стѣнѣ, и имъ прорубить въ стѣнѣ отверстіе. И дѣйствительно, лахо оказался такимъ чудеснымъ, что юноши безъ труда пробили стѣну и всѣ благополучно вышли изъ дворца. Но лишь только успѣли они отправиться отъ берега, какъ увидѣли, что громадными шагами направляется къ нимъ ужасный старикъ, ведя за собою много людей. Вотъ онъ уже опустился въ воду и схватилъ рукою лодку, но рука, до которой дотронулся одинъ изъ гиляковъ блестящимъ лахо, упала въ воду. Старикъ ухватился за лодку другой рукой, но и она поплыла по водѣ и самъ старикъ упалъ мертвымъ, проговоривъ: „лахо меня сгубилъ“. Избавившись отъ опасности, гиляки свободно поплыли, но не знали, гдѣ родная деревня, и только блуждали, встрѣчая на берегу въ первое время безголовыхъ, горбатыхъ и хотѣ—совершенно плѣшивыхъ, безволосыхъ людей—жертвъ старика. Послѣ

*) Хоска—юбка, которую носятъ и мужчины гиляки.

**) Лахо—небольшой японскій кинжалъ. И у японцевъ, какъ у гиляковъ, есть сказки, въ которыхъ мечъ играетъ важное значеніе. Такъ, напр., герой одной сказки бѣдный, но добродѣтельный челоѣкъ, когда нападаютъ на него враги, ослѣпляетъ послѣднихъ блескомъ вынутаго изъ-за пазухи блестящаго, отточеннаго клинка. Это сообщ. намъ одинъ японецъ.

долгаго плаванія, они, наконецъ, увидѣли на берегу юрту. Старая старушка съ радостью приняла ихъ. Пришолъ и мужъ ея—добрый—добрый старикъ. Разсказали ему гиляки про свое горе, но онъ сказалъ имъ, что не знаетъ, какъ помочь имъ, и просилъ ихъ остаться жить у него въ юртѣ. Долго жили у него гиляки, но такъ соскучились о родныхъ, что совѣтъ не стали ѣсть и спать. Старикъ, чтобы утѣшить ихъ, хотѣлъ покормить ихъ хорошей рыбкой и привелъ ихъ къ нарамъ, подъ которыми, въ томъ мѣстѣ, гдѣ проходила труба, была вода и въ водѣ плавала рыба. Взялъ старикъ одну рыбу, снялъ съ нея чешую и сказалъ: „смотрите! когда я брошу чешую въ воду, то изъ нея будетъ рыба“. Такъ и случилось—изъ каждой чешушки образовалась рыба. При этомъ старикъ разсказалъ имъ, что вся рыба въ Амурѣ отъ него и что всѣ гиляки его „мальчики“—дѣти. Но мало утѣшенія доставило гилякамъ и это невиданное ими чудо: они, по прежнему, продолжали горевать и тужить о разлукѣ съ отцомъ и матерью. Тогда онъ рѣшилъ отправить ихъ домой и сказалъ: „отправляйтесь! я буду вамъ указывать дорогу, я буду стоять на берегу и вы держите корму прямо ко мнѣ; съ каждымъ днемъ вы будете видѣть меня все менѣе и менѣе и я скроюсь отъ васъ совѣтъ, когда будете подплывать къ своей деревнѣ“. Гиляки такъ и сдѣлали, какъ сказалъ старикъ, и благополучно приплыли домой. Родители гиляковъ между тѣмъ, скорбя о продолжительной разлукѣ съ дѣтьми и считая ихъ погибшими въ морѣ, стали болѣть и вскорѣ послѣ возвращенія ихъ, умерли. Передъ смертію своею говорили дѣтямъ, что они не совѣтъ умрутъ, но будутъ жить на небѣ.*)

ВРОДАГИ.

Въ 1875 году наше семейство жило въ глухомъ городишкѣ восточной Сибири, гдѣ, кромѣ полицейскаго управленія не было ни одного присутственнаго мѣста, не было даже городской думы; за то острогъ существовалъ, хотя это была просто большая изба, обнесенная тыномъ и внутри разгороженная на нѣсколько довольно тѣсныхъ, болѣею частью, проходныхъ комнатъ. Арестантовъ было всегда много и они помѣшались съ удобствомъ оулей въ бочекѣ, а для женщинъ тамъ и совѣтъ не было помѣщенія,—вѣроятно, строители этой тюрьмы были проникнуты уваженіемъ къ женщинамъ и не могли допустить мысли, чтобы ихъ можно было садить въ тюрьму. Однако, женщины массами попадали въ острогъ, и ихъ уже приходилось помѣщать при полицейскомъ управленіи, гдѣ, во-1-хъ, всегда имѣется мѣсто для заключенія, называемое катаджкой или чижевкой. Тамъ, правда, можно было еще пьяному пролежать нѣсколько часовъ, а жить трезвому было-бы, пожалуй, по-хуже каторги. При полиціи-же, во-2-хъ, была большая изба, въ которой жили десятники и вѣстовые; тамъ-то главнымъ образомъ и помѣщали арестантовъ, вмѣсто острога. Отецъ мой служилъ въ этомъ городкѣ исправникомъ, и мы имѣли казенную квартиру въ одномъ дворѣ съ полицейскимъ

*) Разсказчикъ, передавая эту сказку и считая ее дѣйствительнымъ происшествіемъ, въ подтвержденіе истины, ссылался на то, что парчевую одежду красавца юноши и чудесной лахо можно видѣть еще и теперь въ упомянутой деревнѣ, потому что они сохраняются, переходя изъ рода въ родъ.

управленіем; благодаря этому обстоятельству, невольно приходилось видѣть преступниковъ всѣхъ категорій; меня-же, какъ дѣвочку, больше всего интересовали бродяги своею таинственностью, вслѣдствіе чего мнѣ очень хотѣлось узнать, что это за люди.

Была зимняя морозная ночь. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами прохожихъ, которые спѣшили добраться до дому, потому что морозъ все крѣпчалъ и заставлялъ себя чувствовать. Въ большихъ комнатахъ нашей квартиры становилось довольно холодно, и мы поэтому всѣ собрались около затопленной желѣзной печки, болтали о разныхъ пустякахъ, какъ вдругъ на дворѣ послышался звонъ колоколовъ и скрипъ полозьевъ въѣзжавшихъ саней. Моя мать пошла узнать на дворъ, кто пріѣхалъ, а я, такъ какъ мое любопытство было затронуто, юркнула за ней, не замѣченная никѣмъ. На крыльцѣ маму задержалъ кто-то изъ прислуги, а я, пользуясь удобнымъ случаемъ, шмыгнула впередъ и скоро достигла крыльца дома, въ которомъ помѣщалось полицейское управленіе. Здѣсь я увидѣла вахмистра—старика Зеленина, который спрочно протиралъ глаза и что-то ворчалъ.

— „Кто пріѣхалъ?“ спросила я его. — „Да, вотъ, говоритъ, бродяги, привезли ихъ, морозомъ пробрало, они теперь сами лѣзутъ въ острогъ“. Я съ нетерпѣніемъ ждала, когда всѣ выберутся изъ саней и войдутъ въ избу.

Когда пріѣхавшіе немного обогрѣлись, я побѣжала посмотрѣть, что это за люди, наводящіе такой страхъ на многихъ мирныхъ гражданъ.

Только что я отворила дверь, какъ передъ глазами у меня мелькнули двѣ совершенно голыя человѣческія фигуры и исчезли за печкой. Спрашиваю у десятника, „что это значитъ. Зачѣмъ онѣ голыя?“ — „Да, бродяги“, — говоритъ онъ, — ихъ взяли такихъ, завернули въ дохи и привезли сюда“. — „А какъ-же они не замерзли, вы не спрашивали?“ — „Нѣтъ, ужъ вы сами поспрашивайте ихъ объ этомъ“. И я уже готовилась приступить къ разспросамъ, какъ вдругъ дверь избы отворилась, и я увидѣла свою мать, которой уже все было извѣстно, она принесла кое-какого бѣлья и велѣла бродягамъ одѣться.

Въ эту минуту изъ темнаго угла избы отдѣлилась фигура, которую я прежде и не замѣтила. Изба была освѣщена однимъ салнымъ огаркомъ, и мнѣ трудно было разобратъ, что это за существо, и къ какому полу оно принадлежитъ. Длинные, всклокоченныя косы падали на блѣдное, испитое, но еще молодое лицо. Голова была обмотана тряпкой неопредѣленнаго цвѣта, мужская, рваная рубаха, доходящая до колѣнъ, босыя ноги, изъ которыхъ одна была совершенно вывернута, какъ-бы въ пятой позиціи и така-же вывернутая рука, стала ловить руку моей матери.

— „Матушка, барыня, а вижу—ты добрая, не оставь меня“, раздался женскій, молящій голосъ, слезы и тоска безысходная слышались въ немъ. Я взяла свѣчу и освѣтила лицо говорившей. Это была молодая женщина, но ужасно истощенная, едва державшаяся на ногахъ. — „Сядь“, — сказала ей ласково мать, — „ты устала и скажи, что именно тебѣ отъ меня нужно, кто ты? и какъ сюда попала? Да скажи всю правду, я вѣдь не начальство какое, а такой-же человѣкъ какъ и ты, а отъ тюрьмы и отъ сумы никто не долженъ отказываться“. Эти слова, очевидно, ее ободрили, она смѣло взглянула на насъ. О, вѣкъ я не забуду этого взгляда: въ немъ были и страхъ, и мольба и надежда. — „Барыня,

начала она, — и голосъ у ней дрогнулъ, „похлопочите, чтобъ меня не разлучали съ Иваномъ, — его на каторгу, и меня туда-же“.

— „Съ какимъ Иваномъ, кто онъ и гдѣ онъ?“ спросила мама. — „Да вонъ, — говоритъ, — за печку то улѣзъ который“. — „Ну, да ты расскажи все по порядку, тогда я увижу въ чемъ дѣло. Прежде всего, за что ты сюда попала?“

— „Какъ за что?“ — „Да я бродяга и Иванъ бродяга“. — „Ну, а бродяжить-то зачѣмъ пошла?“ — „Эхъ, барыня, не отъ радости иду, а отъ горя великаго. Я вотъ съ рожденія бродяга. Какъ родилась не путемъ, и жизнь моя идетъ не какъ у добрыхъ людей. Выросла я въ чужой семьѣ—сиротинкою, въ Россіи это было, въ тамбовской губерніи, въ деревнѣ Ивановѣ. Жила я у крестьянина Павла Трофимова, и какъ себя стала помнить, все гусей, да свиной паса, и ни отъ кого почти не видала ласки. Утромъ раннимъ-ранешенько пнуть бывало меня ногой хозяева: „эй, Сашка, гони свиней въ поле, а дѣтскимъ дѣломъ на зорькѣ спать охота: пинаютъ, да не встаешь; и бывало, такъ огрѣютъ тебѣ по башкѣ, куда и сонъ отскочитъ. Да, дай Богъ, здоровья бабушкѣ Агафѣ, — мать была хозяйну-то, — жалѣла она меня. Гдѣ, бывало, кусокъ посладе дастъ, а иной разъ и заступится: грѣхъ, молъ, вамъ обижать сироту, не виновата она, что на свѣтъ родилась. Бабушка Агафѣ, какъ я стала подростать и рассказывала мнѣ, что мамка моя солдатка была, да пришла, не деревенская, жила у бабушки повитухи въ зимовейкѣ на краю деревни и была она гулящая, ну и забеременела мной. Дѣло ужъ почти къ родамъ подходило, а другъ-то ея любезный, — отставной тоже солдатъ былъ, — пришолъ къ ней ночью, да пьяненькій, водки, — говоритъ, — давай, слово за слово — поспорились. Онъ ее и давай бить, да съ побоевъ то ей, видно, и попритчилось. Мучиться она начала, а еще не время было родить, ну да вотъ Богъ далъ, я на свѣтъ вышла, да такая дрянная, что еле, еле дышала. Бабушка-то глядѣла, глядѣла, думаетъ умереть дѣвка, и давай меня сама крестить въ горшечкѣ и ими дала: Александра, а я вотъ ожила, не подохла, а лучше-бы было; по настоящему же окрестить меня не удалось: церкви въ деревнѣ не было, попъ далеко жилъ. Мамка съ полгода прохворала, денегъ не было, такъ я и осталась съ бабушкинымъ крещеніемъ. Минуло мнѣ два года, мамка на страду нанялась жать къ Павлу Трофимову, да ее въ полѣ и началъ родимецъ ломать, подбатило ей подъ сердце, да и душенька вонъ, а я въ ту пору у Павла въ избѣ оставалась съ его робятами. Скоронили мамку, стали думать, куда меня дѣвать? Собрали мірекую сходку. „Кто, — говоритъ, — сироту возьметъ?“ Миръ и присудилъ Павлу Трофимову. Мать, — говорятъ, — на твоей работѣ померла, ну и корми ребенка. Вдругъ рассказчица сразу оборвала свой рассказъ, и на лицѣ ея пробѣжало какде-то судорожное движеніе, но насъ очень заинтересовала ея дальнѣйшая судьба. — „Ну говори-же, дальше-то что было? Стала я приставать къ ней. „Да вонъ, барыня, сколько народу-то на меня глаза пучить и говорить то совѣстно, подумаютъ вратъ пачну, чтобъ разжалобить тебя“. — Да ты тише говори, не обращай вниманія на нихъ“. — „Да что ужъ грѣхъ-то чинить“, начала она опить, „такъ я и жила все у Павла. Минуло мнѣ восемнадцать годковъ, въ пору вошла, хоша красивая я не была, ну да и не такая увѣчная, какъ теперь и слюбились мы съ Иваномъ душа въ душу“. Это, — говорю, — который за печкой-

те голый сидитъ?“ — „Черезъ меня-то онъ и голый и бродяга сталъ, и рубаха его вотъ послѣдняя на мнѣ, ну да ты слушай, не перебивай меня, ну и слюбились мы съ нимъ. Онъ тоже былъ сиротинка, по батракамъ жилъ. Вздумали честнымъ путемъ повѣнчаться. Родныхъ ни у него, ни у меня не было, посоветоваться не съ кѣмъ. Мы и отпросились въ воскресенье у хозяевъ къ обѣднѣ, а сами къ попу на совѣтъ пришли. Такъ и такъ, молъ, батюшка, въ законъ хотимъ. А онъ-то, какъ крикнетъ на насъ: „эхъ, вы голытьба этакая, нищихъ плодить вздумали!“ Мы — въ ноги: работать, молъ, будемъ и робить прокормимъ. Ну, хорошо, говоритъ, черезъ недѣлю приходите, я въ метрикѣ посмотрю, сколько годовъ вамъ, да за труды мнѣ принесите, даромъ что-ли вамъ буду дѣлать? Прошла недѣля. Иванъ взялъ у своего хозяина рубль, купилъ полштофъ ратафій, да еще кое что и понесли все это попу — кланяемся, подаемъ, а попъ-то и говоритъ: тебѣ, Иванъ, двадцатый годъ идетъ, вѣнчать можно, ну а тебя, Сашка, и въ метрикахъ нѣтъ. Ты не тутъ крещена, а ступай туда, гдѣ тебя крестили и неси метрику, тогда повѣнчаю. Я какъ стояла, такъ и взвыла. Пришла домой, да и упала въ ноги хозяйну: „скажи, говорю, батюшка, Павелъ Трофимовичъ, гдѣ мнѣ метрику достать?“ — „А кто тебя знаетъ, откуда тебѣ мать-то приволокла, да на кой бѣсъ тебѣ метрика нужна?“ закричалъ на меня хозяинъ. Я съ дуру-то и расскажи, что за Ивана замужъ хочу. Какъ сцапалъ онъ меня за косы, да почалъ бить, — „эхъ, ты, говоритъ, паршивая, мы тебя вспоили, вскормили, уму разуму научили, а ты спросила у насъ благословенія? Да ты еще за хлѣбъ, за соль намъ не отработала! Я вотъ изъ тебя дурь-то выбью!“ — „Охъ, да избилъ-же онъ меня! Я безъ памяти до ночи въ подлѣти провалилась. Очнулась это я, на небѣ ужъ звѣзды выспали, а на сердцѣ у меня словно камень лежитъ, голову какъ клещами давить, въ горлѣ пересохло, горитъ. Я кое-какъ встала, черезъ силу побрела на улицу — къ колодцу воды испить, а Ванюха-то меня у сосѣдскаго плетня караулил. — „Эхъ, говоритъ, Саша, ты моя безталанная! Я все узналъ отъ сосѣдей, какъ тебя мучили изъ-за меня. Не кручинься, моя милая! Я все, вѣдь, придумываю, что намъ дѣлать, какъ горю пособить“, а я и говорю ему „не пойду я теперь жить къ Павлу, неволить будутъ, — руки наложу на себя, али сбѣгу“. Такъ и сбѣжимъ ужъ вмѣстѣ, я отъ тебя не отстану“. Да куда-жъ мы съ тобой уѣдемъ, — спросила я, — куда?“ — „Да, въ Сибирь“. Какъ онъ это выговорилъ, у меня иида въ глазахъ потемнѣло. — „Да ты въ умѣ-ли, Иванъ, вѣдь туда убивцевъ, либо поджигателей, да конокрадовъ ссылаютъ, а мы-то съ тобой, что кому слѣдѣло?“ — „Дура ты, дѣвка! да туда со всѣхъ губерній цѣлыми селами народъ ѣдетъ на вольную землю. Тамъ лопатой копать — вотъ и золото. Эвонъ въ селѣ Шадринѣ у крестьянина одного тетку сослали, — дитю, слышь погубила, вотъ уже 5 годовъ этому есть — такъ, сказывали, письмо послала: барыней молъ живу, шубу бѣлую ношу, воротъ до колѣнъ. Не въ избѣ, молъ, черной живу, а домъ двухъэтажный имѣю, лѣсу бери, сколько хошь. Вотъ она Сибирь-то какова!“ Я съ дуру-то уши развѣсила, и порѣшили мы, дураки, въ Сибирь бѣжать. У меня нѣтъ паспорта, да и у Ивана не было: жилъ въ своей деревнѣ, на что тутъ паспортъ. Выб-

рали ночку мы потемнѣе, взяли по краяхъ хлѣбушки, у Ваньки-то еще пятитка денегъ была, и ушли. Забѣжали къ церкви, помолились, взяли по горсточкѣ землицы родной, поклонились на всѣ четыре стороны и пошли. Дошли мы съ нимъ, любо какъ, до Саратова. Надо на пароходъ садиться. Подходимъ къ пристани, а у меня такъ сердце-то и заняло: почувало бѣду. Подошли это мы, гдѣ билетики берутъ, и себѣ просимъ, а около стоитъ баринъ, паспорта,—говорить,—предъявите, мы туда сюда, а ихъ у насъ и не бывало сроду, видѣть онъ, что мы испужались, да какъ крикнетъ: бродяги! насъ и окружилъ народъ. Не помню долго-ли, коротко-ли мы стояли, какъ пришли солдаты съ ружьями и повели насъ въ полицію,—стали допрашивать.—Мы правду-то побоились сказать: не помнимъ, говоримъ, откуда мы, ни роду ни племени—это и вправду такъ. Поспрашивали насъ—опять, повели, я и увидела, что къ тюрьмѣ ведутъ. Подкосились мои ноженъки—не могу идти, духъ захватило, а солдаты-то меня прикладами подталкиваютъ, да посмѣиваются, что, молъ, не охота въ палаты бѣлокаменные идти вольной птичкѣ бродяжкѣ, а какъ привели во дворъ, какъ заскрипѣли желѣзные ворота, загремѣли замки, такъ мнѣ и почувалось, что въ могилу меня отпустили. Съ Иваномъ-то меня разлучили: его направо повели, меня лѣво, и проститься не дали, да какъ въ камерѣ заперли, точно въ тѣсный гробъ положили, да землей придавили. Ну, про острожное житье рассказывать нечего,—всѣ поди о немъ знаютъ. Просидѣли мы не много, ни мало три года—перевели насъ въ пересыльную тюрьму, стали на работы посылать. Тутъ я и съ Иваномъ стала видѣться, гдѣ бывало и словечкомъ удасться перекинуться, да то глупость-то наша, три года мы съ нимъ другъ дружку не видали—не въ моготу стало, мы опять сговорились бѣжать, и какъ на грѣхъ дѣло-то удалось лѣтомъ. Добрались мы до Томска къ зимѣ ужъ. Никто насъ не пошевелилъ, милостыней питались. Ну, думаемъ, надо на житье гдѣ-нибудь приставать. Зашли въ глухую деревушку,—въ лѣсу она стояла,—постучались въ самую бѣдненькую избенку, попросились ночевать—пустили. Спрашиваютъ, кто и откуда? Поселенецъ жилъ въ избѣ-то этой, мы и рассказали ему всю правду. Пожалѣлъ это онъ насъ, да и говоритъ: держать-то мнѣ васъ боязно, а вотъ ступайте вы за пятнадцать верстъ на займку, богатѣющій тамъ мужикъ живетъ, онъ вашего брата принимаетъ, у него всѣ до единого рабочаго бродяги. Денегъ онъ не платитъ за работу, а кормитъ и одежку даетъ. Ему съ руки знаться съ вашимъ братомъ. Всѣ начальники ему кумовья да пріятели. Пошли мы ночкой на эту займку—привали ничего, да ужъ и работы, ой, ой, какъ на каторгѣ, дасть уснуть часокъ—другой, опять гонить работать. Кашей, а не мужикъ былъ. Чуть кто отдохнутъ приляжетъ, а онъ нагѣйкой. „Въ острогъ,—говорить,—упеку васъ.“ Дѣло наше подневольное—молчали, терпѣли. Вотъ тамъ-то я уродомъ и сдѣлалась. Послалъ онъ насъ съ Иваномъ на гумно хлѣбъ возить—молотили тамъ рожь, надо было въ амбаръ свозить. Наложили мы здоровенный возъ мѣшковъ, а я на возъ сѣла, далеко отъ займки-то было, ночью пришлось ѣхать. Темно—ни звѣздъ, ни мѣсяца. Лошадь-то свернула, да въ небольшую яму и попала. Я съ возомъ то и шарахнулась. Мѣшки на меня свалились и придавили мнѣ руку вотъ

эту и ногу. Только что и стала мало-малыски поправляться, дошли слухи до нашего хозяина, что новый исправникъ пріѣхалъ, а ему кто-то донесъ, что по деревнямъ бродягъ много, а болѣе всего на займкѣ у нашего хозяина, и что хочеть его накрыть исправникъ съ понятыми. Собралъ насъ хозяинъ всѣхъ, сколько было, и говоритъ: „ну, ребята, удирайте, кто куда поспѣетъ, да подальше отъ этихъ мѣстъ, а то всѣхъ переловятъ.“ Ну всѣ и разбѣжались. Мы съ Иваномъ пробрались въ иркутскую губернію и слышимъ, что въ ней ловко нашего брата ловятъ и ни одинъ поселюга къ себѣ не принимаетъ. Дадутъ ломоть хлѣба, уберайтесь,—говорить,—по-добру, по-здорову! Страшно намъ стало, забрались мы въ лѣсъ, да изъ лѣсу боялись и носу показывать, пока тепло было, не думали ничего. Грибовъ, ягодъ, орѣхъ наберешь, хоть и голодно, да привольно было, да вотъ горе: одежка вся оборвалась. Зацѣпишь за сукъ, а зашить не чѣмъ дыру. Стало ужъ холоднѣе становиться, ивей падалъ. Ночь-то бывало дрожишь, а день-то еще туда сюда, все-таки продрогла я и занемогла. Встать не могу, на травѣ мокро, еще хуже стала лихоманка трясти. Иванъ завернулъ меня въ свой армячишко, пошелъ брусники набрать, да все съ водой и поилъ меня, а мнѣ все хуже и хуже дѣлалось. Поглядѣлъ на меня Ванюха, махнулъ рукой и ушелъ. Вотъ и ночь наступила, а его нѣтъ. Лежу я, да щелкаю зубами и съ холода, и съ болѣзни, а больше отъ страха! И чего я не подумала тогда, что и надоѣла-то я Ивану, и бросилъ онъ меня волкамъ на съѣденіе или попался въ руки полицейскихъ и увозятъ его безъ меня въ острогъ. Плакала я, кричала, такъ что стало инда мнѣ жарко и начало мнѣ чудиться, что будто я дома въ деревнѣ живу на полѣ, а солнышко такъ и печетъ мнѣ голову, нить хочу, не могу жбана съ квасомъ достать, какъ вдругъ изъ лѣсу выбѣжитъ медвѣдь, да какъ обласкаетъ меня! Я и памяти лишилась. Опомнилась я, гляжу: мать, пресвятая Богородица, да я вправду не у медвѣди ли въ берлогѣ? Куда не взгляну, все земля и сверху и съ боковъ! Поворотила назадъ голову: слава, тебѣ Господи, вижу Иванъ мой сидитъ, да такой худой, страшный, а около него сидитъ чловѣкъ еще того страшнѣе,—совсѣмъ голый. Я какъ закричу, да и опять не помню ничего. Очнувшись это я, и спрашиваю: гдѣ это я?—Да,—говоритъ Иванъ,—вѣдь ты шесть недѣль вылежала, да и подохла-бы, какъ собака, да вотъ,—говорить,—скажи спасибо Василью, и рукой на голого чловѣка показываешь, а тотъ, какъ волкъ сидитъ, да зубами щелкаетъ. Помнишь, какъ я отъ тебя въ лѣсу-то ушелъ? Не въ моготу мнѣ глядѣть на тебя было! Пошелъ пріютъ искать. Иду это все по лѣсу—вижу дымокъ изъ-за кустовъ струится. Страхъ меня сначала забралъ: ну, думаю, попалусь, а потомъ думаю все равно пропадать, и пошелъ на дымокъ. Вотъ уже близко, онъ около меня, что за дьявольщина такая: нѣтъ ни людей, ни костра, а дымъ идетъ сквозь сухую листву! Перекрестился я, выломалъ дубинку и давай листву ворошить. Загребъ ее въ кучи, а тамъ хворостъ, а дымъ-то такъ мнѣ въ глаза и лхнулъ. Я давай и хворостъ дубиной разворачивать, а на меня изъ подъ земли какъ кто-то зыкнетъ: живой въ руки не дамси! и высунулась изъ подъ хвороста чловѣческая голова, а потомъ рука, а въ рукѣ ножикъ—пребольшій такой.—Чего,—спрашиваетъ,—тебѣ отъ меня надо? „Да,

не бойся,—говорю я,—ножъ-то спрячь, не лихонѣй я твой, а самъ несчастный. Обска-залъ я ему всю бѣду мою, что бросилъ тебя больную въ лѣсу. Онъ какъ выскочилъ изъ ямы-то своей: иди,—говорить,—скорѣй за ней, и я съ тобой пойду, а то какъ-бы худо не приключилось. Нанадетъ нашъ братъ—бродяга, съ голодухи-то живую не оставитъ, бѣжали мы съ нимъ, что есть духу и нашли тебя безъ памяти, взяли въ охабку и принесли сюда, а стали брать-то тебя, ты стала кричать: батюшки, медвѣдь задавилъ. Армячишко-то мой весь сгнилъ подъ тобой, бросили его тамъ, а Василий вопъ самъ голышемъ остался, а тебя зипуномъ одѣлъ, да все время въ деревню ходилъ милостыню собирать, и тебѣ все молочка у бабъ добывалъ: ребеночекъ, молъ, у меня при смерти лежитъ, ну и даютъ бабы. Да и впрямъ онъ за тобой, какъ за ребенкомъ ходилъ, моли за него Бога, Сашка, но вотъ-ты теперь какъ поправилась, надо хоть въ острогъ приставать, не замерзаетъ-же тутъ, нить одежи-то нѣтъ, и рѣшилъ Василий въ деревню идти объявиться“. У меня какъ на грѣхъ рубаха совсѣмъ съ тѣла сползла, и Иванъ свою на меня надѣлъ, а самъ тоже нагишкомъ остался. Василий надѣлъ свой зипунишко, да пошелъ въ деревню объявился, что бродяга онъ, да что въ лѣсу еще двое есть: волостные собрали народъ и пошли ловить насъ, какъ медвѣдей. Василия въ провожатые взяли. Такимъ-то манеромъ и взяли насъ всѣхъ голыхъ. А ужъ теперь, что съ нами будутъ дѣлать—Богъ вѣдаетъ! И голось у рассказчицы задрожалъ отъ слезъ: „не воры мы, не убийцы, а за любовь злодѣйку страдаемъ. Матушка, барыня, попроси не разлучать меня съ Иваномъ, начала умолять она. Мать, какъ умѣла, ее успокоила. Но мнѣ хотѣлось узнать, что за чловѣкъ этотъ голый благодѣтель Александры и Иванъ.—„Ну, а Василий то, ты не знаешь, почему бродяжничать сталъ?“ Александра собралась мнѣ что-то отвѣчать, но тутъ явился самъ Василий, уже одѣтый въ чистое бѣлье, какое принесла ему мама, и самъ за себя отвѣтилъ коротко, аспо по военному:—я,—говорить,—солдатъ, служилъ въ каспійскомъ полку, да били шибко—и сбѣжалъ. Ротный командиръ билъ, фельдфебель билъ, старшій дядька билъ. Разъ во фронтѣ стояли, ротный то видно лѣвой ногой всталъ съ постели, ни за что по зубамъ насъ чистить сталъ, не стерпѣло сердце, подошелъ это онъ ко мнѣ, а я развернулся, да цапъ ему въ морду: „вотъ,—говорю,—это тебѣ за всю нашу третью роту. Посадили меня въ карцеръ, а я и утекъ.“ Рассказывая это, онъ то и дѣло кашлялъ, держась за грудь, а когда утирался бѣлымъ рукавомъ рубахи, то на немъ оставались большія кровавыя пятна. Да мнѣ теперь все равно, какъ ни будутъ судить, не жилецъ я, развѣ ужъ на томъ свѣтѣ отработаю каторгу, только не на этомъ, добавилъ еще Василий, и снова глухой кашель не далъ ему говорить.

Мое любопытство было удовлетворено, но меня удивило то, что эти бродяги были вовсе не такъ ужасны, какъ мнѣ про нихъ рассказывали, и еще болѣе недоумѣвала я, какъ могутъ подобные люди наводить страхъ на обитателей деревень, селъ и т. п. Однако, съ теченіемъ времени мнѣ пришлось убѣдиться, что и бродяги не всѣ одинаковы, что дѣйствительно между ними есть такіе, которые способны навести ужасъ на кого угодно.

Вибліографія.

Въ іюльской книжкѣ „Русскаго Архива“ напечатано продолженіе автобіографіи А. О. Дюгамеля, въ которомъ говорится объ его генераль-губернаторствѣ въ западной Сибири. Не смотря на свою краткость, эта часть записокъ Дюгамеля содержитъ нѣсколько фактовъ и замѣтокъ, заслуживающихъ вниманія. Въ виду того интереса, какой возбуждаетъ нынѣ средне-азіатскій вопросъ, будетъ очень не бесполезно привести замѣчанія Дюгамеля по этому предмету. „Я,—говоритъ онъ,—давно уже имѣлъ случай познакомиться съ воинственными влеченіями всѣхъ нашихъ генераль-губернаторовъ—какъ того, который управлялъ Оренбургскимъ краемъ, такъ и тѣхъ, которые управляли Сибирью восточной и западной. Всѣ они мечтали о военныхъ экспедиціяхъ, а въ предлогахъ для войны не могло быть недостатка: мы были на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ въ столкновеніяхъ съ кочевыми племенами, которые тревожили насъ своими набѣгами и которыхъ считали нужнымъ подвергать заслуженному наказанію. Но если генераль-губернаторы всегда искали случая повоевать, то это влеченіе превратилось въ настоящую жажду завоеваній съ тѣхъ поръ, какъ генералъ Муравьевъ былъ возведенъ въ званіе графа Амурскаго за присоединеніе къ Россіи Амура и Уссурийскаго края. Это выходящее изъ ряда вонъ отличіе вскружило всѣмъ головы; каждый желалъ отвоевать какой нибудь клочекъ территоріи и надѣлся получить за это титулъ, который передастъ своему потомству“. А вотъ и результаты подобныхъ стремленій. Рѣчь идетъ о подвластныхъ намъ киргизахъ. „По мѣрѣ увеличенія осѣдлаго населенія, все болѣе и болѣе стѣсняются въ своихъ средствахъ существованія кочевники, которымъ нужны для стада обширныя пастбища. Это обстоятельство служить постоянной причиной вражды между двумя племенами, которыя было бы такъ необходимо соединить въ одно цѣлое. Если къ проистекающему отсюда различію интересовъ присовокупить вѣроисповѣдное различіе, то станетъ ясно, что нечего полагаться на преданность киргизовъ, не смотря на то, что они очень любятъ вѣрно-подданническія заявленія. Пока мы будемъ сильны, киргизы будутъ покорны; но если бы наше могущество потеряло малѣйшую неудачу, они обратятся противъ насъ. Тѣмъ болѣе необходимо, чтобы мы не расширяли чрезмѣрно нашихъ владѣній и тѣмъ не ослабляли себя“.

Извѣстная тобольская исторія съ Михайловымъ, по предположенію г. Дюгамеля, была раздута жандармскимъ адъютантомъ Л—ымъ, который донесъ объ ней въ Петербургъ вслѣдствіе неладовъ съ своимъ начальникомъ. Г. Дюгамель приписываетъ эту исторію тогдашнему настроенію нашего общества и „безсилію“ тобольскаго губернатора Виноградскаго. Но самъ же онъ говоритъ, что у Михайлова было рекомендательное письмо отъ тогдашняго петербургскаго генераль-губернатора, князя Суворова; при такой рекомендаціи и не Виноградскій могъ потерять голову. Александръ Васильевичъ былъ едва-ли не честнѣйшій человекъ тогдашняго управленія; даже личные его пріятель не рѣшались просить его о чемъ нибудь не законномъ или не благовидномъ. Но онъ давно уже погрузился въ пучину канцелярскаго водотолченія. Не мудрено, что онъ смотрѣлъ

свободу пальцы на дѣло, о которомъ не имѣлъ официальнаго донесенія и въ которомъ онъ, можетъ быть, видѣлъ невинное развлеченіе празднаго и скучающаго тобольскаго общества.

На мѣсто Виноградскаго, какъ извѣстно, былъ назначенъ А. И. Десногъ-Зеновичъ. По этому поводу издатель „Р. А.“ дѣлаетъ характерную выноску: „Со временемъ историкъ обязанъ будетъ доискиваться, чья именно рука дѣйствовала въ этихъ назначеніяхъ“. Будущему историкъ русской журналистики, вѣроятно, также будетъ предстоять тяжелая обязанность доискиваться, чья именно рука дѣйствовала въ такихъ инсинуаціяхъ.

Отвѣты редакціи.

Корр.—ту изъ Турга: ваши замѣтки не ко времени.

Кирепекъ, М—ву: найдено неудобнымъ.

Томскъ, —му: сокращено не нами.

Ки. Юрльга! сами поймете.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ

Н. Н. СИННИЦЫНА, ВЪ ИРКУТСКѢ,

ПРОДАЮТСЯ:

Кубики съ азбукой для дѣтей. Ц. за коробку въ 1 р. и 1 р. 50 к.

Житіе Св. Кирилла и Мефодія. Ц. 15 к.

Уставъ о гербовомъ сборѣ. Спб. 1884. Ц. 1 р. 30 к.

Уставы о воинской повинности, съ дополненіемъ. Спб. 1884. Ц. 5 р. 50 к.

Сводъ законовъ, т. IX, изд. 1876 г., съ продолженіями. 79, 83 и 84 гг. Ц. 4 р.

Тоже т. II, ч. I. Общее губ. учрежд. Изд. 1876, съ продолж. 79, 81 и 83 гг. Ц. 5 р.

Тоже т. II, ч. II. Особенныя губ. учрежд. Изд. 1857 г., съ продолж. Ц. 3 р. 50 к.

Законы о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражд. Изд. Анненкова. Спб. 1884. Ц. 2 р.

Инструкція чинамъ полиціи по обнаруженію и изслѣдов. преступл. М. 1885. Ц. 1 р. 30 к.

Таблицы, расчеты и смѣты для хозяйственныхъ соображеній при золотопромышл. операціяхъ. Т. 1885. Ц. 1 р.

Практич. руков. для судебн. слѣдователей, состоящихъ при окружн. судахъ. Ц. 6 р.

Сборникъ узаконеній и правител. распор. для домашнихъ наставниковъ и учителей. М. 1874. Ц. 50 коп.

Рабочее положеніе Иеричи. зол. промысл. Ц. 1 р.

Нѣкоторыя историч. свѣдѣнія и воспоминанія касающіеся Сибири, расположен. по мѣсяцамъ и числамъ. Иркут. 1884. Ц. 20 к.

Стихотворенія Омудевскаго. Спб. 1883. Ц. 3 р. 50 к.

Деревенскія пѣсни его же. Ц. 5 к.

Земной рай его же. Ц. 5 к.

Міръ половыхъ страстей. Брачныя и безбрачныя наслажденія со всѣми ихъ послѣдствіями. М. 1872. Ц. 5 р.

Наставленіе о мѣрахъ предосторожности отъ заболѣванія дифтеритомъ. Ц. 5 к.

Правила испытанія при поступленіи ученицъ въ Гимназіи и Прогимназіи. Ц. 25 к.

Правила и программы для учениковъ Гимназіи и Прогимназіи. Ц. 40 к.

Бланки и заголовки для посемейныхъ списковъ и для книгъ волостныхъ судовъ по 4 к. за листъ.

Тоже для призывныхъ списковъ (на бумагѣ бол. форм.) Ц. 10 к. за листъ.

Отъ Интендантскаго Управленія Иркутскаго военного округа.

Третьяго октября сего года въ г. Красноярскѣ—въ Енисейскомъ Губернскомъ Совѣтѣ и четырнадцатаго того же октября—въ г. Иркутскѣ, въ особомъ присутствіи при Окружномъ Штабѣ, назначены рѣшительные торги на поставку провіанта въ пропорцію будущаго 1886 года для войскъ иркутскаго военного округа.

Къ торгамъ этимъ вызываются желающіе, съ представленіемъ надлежащихъ документовъ о званіи и залогахъ на обезпеченіе неустойки.

Запечатанныя объявленія должны быть присланы или поданы въ означенныя торгующія присутствія не позже 12-ти час. дня назначеннаго для торговъ.

Подробныя условія, относящіяся къ этимъ торгамъ, публикуются въ Иркутскихъ и Енисейскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, а также можно видѣть въ Интендантскомъ Управленіи ежедневно въ присутственные дни отъ 9 до 3-хъ часовъ дня.

Завѣдывающій Интендантскою частію, Статскій Совѣтникъ Кулаковъ.

(3) 1.

Открытъ НОВЫЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. Захарова, на Цестерева уличѣ, въ домѣ Бараховича, противъ дома Кашецына. Полученъ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ, продающихся ПО УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ.

(3) 1.

МАГАЗИНЪ по Ивановской ул., рядомъ съ часовней, ОТДАЕТСЯ ВЪ НАЕМЪ. Объ условіяхъ справиться въ городской управѣ.

(10) 3.

13 сентября 1885 года съ 12-ти час. дня, съ публичныхъ торговъ, по вольной цѣнѣ, назначены въ Совѣтѣ Иркутскаго Сиропитательнаго Дома Е. Медвѣнковой и учрежденнаго при немъ Банка въ продажу слѣдующіе просроченные залогами дома: а) каменные: 1) купца Малкова, по Троицкой уличѣ; 2) мѣщанинъ Якушевой, на Звѣревской уличѣ; 3) жены мѣщанина—Бусыгивой на углу Савинской и Набережной уличъ и б) деревянные: 1) жены чиновника—Паршиной въ Ремесленной слободѣ и 2) мѣщанина Станиловскаго, по 2-й Саламатовской уличѣ.

16 сентября 1885 года, съ 12-ти час. дня, съ публичныхъ торговъ, по вольной цѣнѣ, назначены въ Совѣтъ Иркутскаго Сиропитательнаго Дома Е. Медвѣдниковой и учрежденнаго при немъ Банка въ продажу слѣдующіе просроченные залогами деревянныя дома: 1) поселенческой жены Непомнящей, по 2-й Иерусалимской улицѣ; 2) жены чиновника—Красавцевой, въ Знаменскомъ предмѣстьи; 3) крестьянки Богдановой, на Саламатовской улицѣ и 4) мѣщанина Керберъ, по Подаптечной улицѣ.

Одолжались нѣкоторые изъ якутскихъ гражданъ моими собственными книгами какъ-то: законами, сочиненіями: Пушкина, Гоголя, Жуковского, Сенковского, Щукина, Вагина, Швецова, Хитрово, Жит. Святыхъ, медицинскими на русскомъ языкѣ, учебниками, соч. Максимова—„Сибирь и каторга“, Сю—„Вѣчный жидъ“, Эйрис—„Живописное путешествіе по Азіи“—въ переводѣ Корша, Дюма—„Королева Марго“, журнал. „Русскою Стариною“ съ 1870—1876 г., „Странникомъ“ съ 1860—1870, „Вѣстникомъ Европы“, газет. „Будильникомъ“, „Судебнымъ Вѣстникомъ“, „Воскреснымъ Досугомъ“, съ приложеніями и многими другими книгами, большею частію съ моими надписями, которыя прошу гг. любителей чтенія возвратитъ, какъ хозяину собственности, за что весьма буду благодарнымъ. Понятно, что разрознить книги и журналы изъ полныхъ ихъ томовъ каждому владѣльцу можетъ быть не лестно, а тѣмъ болѣе дававшему безъ всякихъ матеріальныхъ расчетовъ. Якутскій мѣщанинъ К. Д. Трифоновъ.

Довѣренный Торговаго Дома АЛЕКСѢЯ ГУБКИНА НАСЛѢДНИКЪ А. КУЗНЕЦОВЪ и К-о, Н. Н. Руновъ, покупаютъ ассигновки горныхъ правленій на золото. Контора Торговаго Дома помѣщается по Почтамтской улицѣ, въ д. Буковского. (4) 2.

На Маринскомъ заводѣ минусинской 1-й гильдіи купчихи Маріи Александровны Гусевой выдѣлывается ѣдкая сода (каустическая), которую можно получать по умѣреннымъ цѣнамъ въ заводѣ и въ собственныхъ ея складахъ—въ городахъ Минусинскѣ, Красноярскѣ и Енисейскѣ. (5) 5.

По случаю перевода магазиновъ на другое мѣсто, отдается весь нижній этажъ въ домѣ М. А. Жбанова, по Большой улицѣ, въ кортѣ подъ какое либо учрежденіе или торговое заведеніе. Помѣщеніе имѣетъ по улицѣ 15 и во дворъ 12 сажень. (3) 3.

ПРОДАЕТСЯ ДОМЪ М. А. Калашниковой СЪ НАДВОРНЫМИ СТРОЕНІЯМИ, САДОМЪ, РОЩЕЙ И ЗЕМЛЕЙ въ количествѣ 2,160 квадр. саж., чрезъ которую протекаетъ ручей въ Знаменскомъ предмѣстьи по Соловьевской и Госпитальной ул.; тамъ-же ПРОДАЕТСЯ дойная КОРОВА. (3) 2.

БОЛЬШАЯ КВАРТИРА

отдается въ Знаменскомъ предмѣстьи (бывшій домъ Косовича) противъ Трапезниковской школы. Домъ этотъ можетъ быть также и проданъ. Объ условіяхъ узнать въ магазинѣ Дмитріева, на Большой улицѣ, у г-на Сысоева. (4) 2.

ТАРАНТАСЪ казанскій продается, по Казарменной ул., въ д. Пежемскаго, № 4-й. (5) 2.

Съ разрѣшенія г-на генералъ-губернатора почтовопассажирскій пароходъ изъ Стрѣтенска отправится въ 20, а 16 сентября, затѣмъ, если не помѣшаетъ ледоходъ, 1 октября отправится пароходъ только съ почтою и палубными пассажирами; каютныхъ помѣщеній нѣтъ.

Директоръ товарищества Амурскаго пароходства Пекургъ.

(3) 2.

ПРОДАЕТСЯ каменный домъ А. Ф. ПЕЖЕМСКОЙ, по Тихвинской улицѣ. (3) 3.

Въ редакціи газеты „Сибирь“ имѣются для продажи:

СБОРНИКЪ ГАЗЕТЫ „СИВИРЬ“ 1876 г. Ц. 2 р.

„ОЧЕРКИ ИЗЪ ЖИЗНИ ЗАБАЙКАЛЬЯ“, Сибирякова. Ц. 50 к.

При редакціи имѣются полные экземпляры газ. „СИВИРЬ“ за 1883 и 1884 г. Цѣна съ пересылкою 4 р. Желающіе имѣть экземпляры переплетенными прилагаютъ 1 р.

ИЗВѢСТНЫЙ МАСТЕРЪ И. ХАНЕНСОНЪ

имѣетъ одобрителные аттестаты въ подбожкѣ, выдѣлкѣ, краскѣ и чисткѣ отъ моли мѣховыхъ вещей. По благопріятности времени, исполняетъ работы ПО САМЫМЪ УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ.

Адресъ: 6 Солдатская ул., близъ Большой ул., д. Бѣлоусова. (3) 3.

На Почтамтской улицѣ, въ домѣ Савинскаго, ОТДАЮТСЯ ДВѢ КВАРТИРЫ. Спросить у караульнаго Семени. (3) 3.

Желаю продать участіе съ правомъ голоса, принадлежащ. мнѣ въ Троицкомъ винокуренномъ заводѣ, балаганскаго округа. Объ условіи продажи покорнѣйше прошу обращаться лично ко мнѣ, въ собственный домъ, по Преображенской ул., отъ Саламатовской второй. Балаганскій купецъ Федоръ Александровъ Сизыхъ.

(8) 1.

Присяжный повѣренный Павелъ Ивановичъ Звонниковъ переѣхалъ на квартиру въ домъ наслѣдниковъ Михѣева, по Ивановской улицѣ, гдѣ помѣщалась прежде почтовая контора. (4) 2.

Въ Ренсков. погребѣ „БР. БУТИНЫХЪ“, у театра, вновь получены и продаются по сходнымъ цѣнамъ ВІНОГРАДН. ВІНА, крымскихъ садовъ кн. Воронцова и заграничныя.

Довѣренный Худечекъ. (5) 2.

СОБСТВЕННАЯ ФАБРИКА ЧАСОВЪ В. Альтшвагера

рекомендуетъ уважаемой публикѣ свой БОГАТЫЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ ВСѢХЪ СОРТОВЪ, равно какъ золотыхъ и серебряныхъ цѣпочекъ, ключей и пр.

Не смотря на то, что матеріалъ и рабочія силы въ настоящее время гораздо дороже прежнихъ, депо нашло возможнымъ также и въ этомъ году оставить не измѣненными тѣ-же цѣны, которыя были установлены въ преискурантахъ за послѣдніе годы.

Подробные преискуранты высылаются бесплатно. (3) 3.

Совѣтъ Сиропитательнаго Дома доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что съ 1-го Іюня сего года въ Банкѣ Медвѣдниковой открыта операція ТЕКУЩАГО СЧЕТА. Размѣръ интересовъ, которые Банкъ платитъ по текущимъ счетамъ, опредѣленъ въ 3½ %; причемъ лица, желающіе ознакомиться съ правилами, могутъ получить ихъ въ Банкѣ. (6) 2.

На углу Спасо-лютеранской и Савинской улицъ продается домъ Яковенко. (12) 2.